

Иван Курилла

ПОНИМАЯ АМЕРИКУ

Школа
гражданского просвещения
2020

УДК 94
ББК 63.3(2)
К93

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

К93 Иван Курилла.

Понимая Америку. М.: Школа гражданского просвещения, 2020. — 140 с.

Разговор о США у нас практически всегда превращается в разговор о России. Эта страна служит примером или угрозой, используется для сравнения или отталкивания, но остается конституирующим Другим для российских политиков и для российского общества. Принципиально прозрачное для внешнего взгляда государственное устройство с непохожей на европейскую историей, с незнакомыми традициями, со странными законами и чуждыми устремлениями кажется нам либо обманчиво ясным, либо абсолютно непостижимым.

Сборник статей американиста Ивана Куриллы, опубликованных за последние пять лет на страницах ряда сетевых изданий, раскрывает те черты в американском обществе, которые чаще всего используются в российской общественно-политической дискуссии, а также показывает логику отношений между нашими странами, совершенно не сводимую к стратегическому противоборству.

**УДК 94
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-93895-127-3

© Иван Курилла, 2020
© Школа гражданского просвещения,
2020

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
I. АМЕРИКА И МИР ВОКРУГ НЕЕ: СЕМЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С РОССИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ	9
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. «Каждый русский — казак, а каждый казак — людоед». Как в США спорили о России в 1813 году	11
ЭПИЗОД ВТОРОЙ. Эффект «Весны народов». Как США стали примером для Европы, а Россия — нет	17
ЭПИЗОД ТРЕТИЙ. Преодоление Гражданской. Как США самоутверждались, помогая голодающей России	26
ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ. Попытка лидерства. Как Вильсон придумал Лигу Наций, но США опять закрылись от мира	33
ЭПИЗОД ПЯТЫЙ. Война между победителями. КГБ в балете и ЦРУ в абстрактной живописи	40
ЭПИЗОД ШЕСТОЙ. Приходит Брежнев к Никсону. Как СССР и США почти подружились	47
ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ. Жизнь без Другого. Почему в США сильна ностальгия по 1980-м?	54

II. РОССИЯ И США, ИЛИ НАСТОЯЩИЙ КОНФЛИКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ЗАВЕРШЕНИЯ	61
Почему Россия ругает Америку, но хочет ею стать	62
Умиротворение Леванта.	
Война в Сирии как большая манипуляция	68
Как новая холодная война выходит из-под контроля	73
Смысл и корни российского антиамериканизма	78
Мифы о России:	
как Запад перестал понимать нас и чем это грозит	83
Повод ушел:	
как доклад Мюллера повлияет на отношения России и США ..	88
На пороге сделки:	
чего ждать от российско-американского «потепления»	91
III. АМЕРИКА ТРАМПА, ИЛИ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ ...	95
Цена консерватизма.	
Почему расизм становится главной проблемой в США	96
Что сломалось в политической системе США?	102
Американская революция	106
Довоевать Гражданскую.	
Почему в США началась война памятников	110
Памятники раздора:	
смогут ли США выйти из исторического кризиса	117
IV. ПАМЯТИ СОВЕТОЛГОВ	123
Збигнев Бжезинский	124
Ричард Пайпс и особый путь России	130
<i>Библиографическая справка</i>	137

Предисловие

Зачем нам понимать Америку? Можем ли мы ее понять? Прозрачная для внешнего взгляда страна с непохожей на европейскую историю, с незнакомыми традициями, со странными для нас законами и чуждыми устремлениями кажется либо обманчиво понятной, либо принципиально непостижимой.

В книге, которую вы держите в руках, собраны мои статьи о Соединенных Штатах Америки и о российско-американских отношениях, опубликованные за последние пять лет на сайтах Republic.ru, «Ведомости», РБК, Gefter.ru и InLiberty.ru.

Публицистику с научно-популярным уклоном, а именно в этом жанре написаны все эти тексты, надо отличать от научных статей. Здесь нет места анализу всех источников и архивов, а основной задачей автора является, как правило, предложение контекста для понимания важной общественно-политической проблемы. Конечно, российско-американские отношения остаются темой моих научных интересов и потому любая современная проблема видится для меня как точка на длинном пути развития двусторонних контактов, но все же злоба дня здесь доминирует.

Разговор о США у нас в стране практически всегда является разговором о России. Эта страна служит примером или угрозой, используется для сравнения или отталкивания, но остается конституирующим Другим для российских политиков и для российского общества. США служат моделью и антиутопией, страной, задающей направление, на

котором ее надо «догнать и перегнать», и «темным двойником» России, выбравшей «традиционные ценности», кажется, только для того, чтобы резче противопоставить их либеральным «американским». То есть, описывая Америку, мы описываем себя — либо через отрицание («мы — не Америка»), либо через отождествление («вот такими мы могли бы быть или будем»). Однако уровень знаний о США в России не очень высок, и это «использование Америки» чаще всего опирается на приписываемые США характеристики, а не на реальные особенности заокеанской республики. Поэтому одной из целей этих текстов было объяснение читателям тех черт в американском обществе, которые чаще всего используются в российской общественно-политической дискуссии, а также показать логику отношений между нашими странами, совершенно не сводимую к стратегическому противоборству.

Но и американцы говорят о России не случайно. На протяжении многих десятилетий Россия служит для жителей США одним из главных раздражителей и альтернатив, символом всего «неамериканского»; можно сказать, что в определенной степени американское общество «отстраивалось» от его собственных представлений о России. Наши страны играют друг для друга роль зеркал, но зеркал увеличивающих или фокусирующих, искажающих перспективу.

Именно поэтому понимать Америку значит понимать Россию.

Время, когда эти статьи были написаны, оказалось весьма турбулентным для России, Соединенных Штатов и для мира в целом. Российско-американские отношения обострились после аннексии Крыма в 2014 году; внутренняя политика США после избрания президентом Дональда Трампа в 2016-м приобрела черты открытого конфликта, да и видимая стабильность российского общества скрывает под внешним спокойствием разрастающееся недовольство. Все эти процессы далеки от завершения, и потому я решил,

что статьи, даже написанные по горячим следам избрания Трампа, еще не совсем утратили актуальность.

Сборник составлен из четырех частей. Первой из них стал цикл из семи статей, посвященных истории внешней политики США в ее отношениях с Россией. Во второй части собраны тексты о современных отношениях России и США, о попытках президента Трампа переломить негативный характер этих отношений в первый период своего президентства. Эта «злоба дня» кажется уже ушедшей, но статьи представляют не просто моментальный снимок конкретного события, а его место в более долгой истории. Третий раздел содержит статьи о внутривластных проблемах США, включая сделанные по свежим следам оценки избрания Трампа на президентский пост. Наконец, заключительную часть составили биографические заметки-некрологи, посвященные двум ведущим американским советологам, в значительной степени определявшим американский взгляд на Россию начиная с 1970-х годов, — Збигневу Бжезинскому и Ричарду Пайпсу.

Я признателен редакторам тех изданий, в которых были опубликованы собранные в этой книге статьи: Антону Ширикову, Андрею Сеницыну, Андрею Литвинову, Ирине Чечель, Иосифу Фурману. Многие тексты не были бы написаны без побуждения с их стороны, многие были бы гораздо хуже. Редакторам в большинстве случаев принадлежат также названия статей и их разбивка на параграфы.

**АМЕРИКА И МИР ВОКРУГ НЕЕ:
семь эпизодов
из истории взаимодействия США
с Россией и другими странами**

Международные отношения — область, с которой обычный человек сталкивается чрезвычайно редко и потому не настроен критически проверять то, что о ней рассказывают политики и телеведущие. Массовые представления о международных отношениях близки к тем, что доминировали 100–200 лет назад (с поправками об опасности мировых войн, сделанными в XX веке). В этих представлениях геополитика смешивается с борьбой великих держав за сферы влияния, мир опутан паутиной тайных договоров, а дипломаты представляют собой едва ли не масонскую ложу посвященных.

Современная наука смотрит на международные отношения совсем не так. Изменились исследовательские подходы, и сама внешняя политика претерпела кардинальные перемены. В то же время старые системы координат продолжают свою жизнь в кривых зеркалах пропаганды и на страницах стереотипных школьных учебников.

Для россиян центральный вопрос внешней политики — взаимоотношения России и США. Мало кто помнит, как они менялись с течением времени, и мало кто задумывается, как менялись роль и место в мире самих Соединенных Штатов.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ
*«Каждый русский — казак,
а каждый казак — людоед».*
Как в США спорили о России в 1813 году

В 1804 году американский консул в Санкт-Петербурге Леветт Харрис переслал президенту Томасу Джефферсону копию бюста императора Александра I работы Федота Шубина. Джефферсон отослал ее в свое поместье Монтичелло. «Этот подарок будет одним из наиболее ценных украшений в моем родном доме», — писал он Харрису, добавляя, что обычно не принимает подарки, но для бюста царя сделал исключение. «Мое особое уважение к характеру императора, — объяснял президент, — ставит его образ в моем уме выше закона».

Не странно ли, что автор Декларации независимости, поборник демократии Томас Джефферсон до такой степени восхищался русским царем, что украсил им свой дом? Давайте посмотрим на его отношение к Александру подробнее.

«Король Испании был дураком»

Дело в том, что в начальный период своего правления (а Александр, как мы помним, стал императором в 1801 году — почти одновременно с вступлением в должность президента Томаса Джефферсона) Александр был известен как приверженец просвещенной монархии, чем выделялся из ряда своих коронованных современников.

Республиканец Джефферсон позднее так объяснял легкость побед Наполеона над европейскими государями:

«Пребывая в Европе, я часто развлекал себя размышлениями над характером царствовавших в то время коронованных особ. Людовик XVI был глупцом. Король Испании был дураком, так же как и неаполитанский король. Они промотали свои жизни в охотах и слали двух курьеров в неделю за тысячу миль, чтобы сообщить друг другу, как они развлекались в предыдущие дни. Король Сардинии был дураком... Королева Португалии была идиоткой от природы. И таким же был король Дании... Король Пруссии, преемник Фридриха Великого, был просто боровом по телосложению и по уму. Густав шведский и Иосиф австрийский были просто помешанными, а Георг английский — настоящим сумасшедшим. В таком состоянии Бонапарт застал Европу, и именно это состояние сделало монархов бессильными в схватке с ним. Эти животные оказались лишены ума и сил — такова участь всех наследственных монархов».

Джефферсон, однако, исключил российскую династию из каталога монархической бездарности и некомпетентности: «Александр, внук Екатерины, остается пока еще исключением. Но он монарх только в третьем поколении. Его род не исчерпал себя». После получения первых известий о молодом царе Джефферсон признавался в наличии «сильной сердечной к нему симпатии». Джефферсон считал, что Александр воплотил в жизнь принципы просвещенной монархии, указывая (в 1802 году): «Александр, несомненно, идет по правильному пути, предпринимая меры для того, чтобы распространить знания и права в массах своих подданных, уменьшая их притеснение». Несколько лет спустя он написал Александру непосредственно: «Это станет одним из последних и главных утешений моей жизни, если я увижу передовое правительство в столь обширной части земли...»

Будучи противником монархии, которая неизбежно приводит к вырождению и коррупции, Джефферсон, однако, считал, что не все народы и общества готовы сразу воспринять республиканское правительство. Для них просвещенная

монархия (образец которой он видел в александровской России) была самой подходящей формой правления. Джефферсон полагал, что Александр столкнулся «с геркулесовой задачей разработки и реализации средств обеспечения свободы и счастья тем, кто не способен заботиться о себе». Неудивительно, что именно в правление Джефферсона и Александра Россия и США установили дипломатические отношения. Однако обмен посланниками в конце первого десятилетия XIX века не сопровождался обсуждением далекой страны в публичном пространстве Соединенных Штатов.

Впервые американские политики и пресса развернули дебаты о России в 1813 году, после сообщения об изгнании Наполеона и заграничном походе русской армии. Критики далекой империи писали о «варварстве» русских, об их рабстве, о том, что их победы над французами — результат суровой русской зимы, а потому радоваться им — все равно что радоваться «победам» желтой лихорадки, истреблявшей людей в Центральной Америке. В газетах можно было встретить утверждение, что «каждый русский — казак, а каждый казак — людоед» (конкретно это определение, впрочем, было приведено пророссийски настроенным автором как пример антироссийской позиции и было скорее ее нарочитым преувеличением). Защитники России, напротив, видели в ней страну, быстро развивавшую у себя цивилизацию, подчеркивали тот факт, что русские освобождают Европу от тирании Наполеона, и называли Александра I самым либеральным монархом старого континента.

Россия как аргумент

Причиной этих споров была, впрочем, не сама Россия. Ее победы над Францией предоставили американским политикам возможность поспорить о собственной стране.

Дело в том, что первая партийная система США состояла из федералистов и «антифедералистов», или джефферсонов-

ских республиканцев. Помимо разного отношения к централизации управления и финансовой политике (федералисты настаивали на более сильном центральном правительстве), партии различались и по внешнеполитической ориентации. Федералисты считали необходимыми тесные связи с Англией, поскольку бывшая метрополия по-прежнему оставалась главным торговым партнером и источником кредита для американских купцов, а также была близка культурно-исторически. Их оппоненты, напротив, считали главным партнером Францию, которая поддержала восставшие колонии в их борьбе за независимость и могла стать европейским союзником в случае попытки Англии восстановить контроль над отпавшими заморскими территориями.

В 1812 году президент Джеймс Мэдисон и большинство в конгрессе (джефферсоновские республиканцы) объявили Англии войну (протестуя против насильственной вербовки американских моряков в английский флот, нередко случавшейся в те годы при встрече королевского ВМФ с американскими торговыми судами, а также надеясь присоединить к США Канаду). Федералисты, опиравшиеся на торговцев Бостона и других городов Новой Англии, получили чувствительный удар от разрыва торговых связей и финансовых контактов. Их внешнеполитическая ориентация потерпела крах. Однако в условиях войны выражать недовольство политикой администрации (и особенно проявлять симпатии к противнику) было бы непатриотично.

В этот момент в Америку и пришли известия о победах России над Наполеоном. Федералисты немедленно организовали серию банкетов для празднования побед русского оружия над ненавистной им Францией. Всем современникам было ясно, что речь шла не о России и даже не об отношении к ней американцев (в конце концов, сам Джефферсон, как мы видели, скорее симпатизировал русскому царю): публичная радость или, напротив, огорчение по поводу поражения французов были способом осудить

или поддержать войну, которую администрация президента Мэдисона объявила Англии.

Именно эти банкеты и стали спусковым механизмом, начавшим споры о достоинствах и недостатках России, тем дискурсивным полем, на котором и разыгрывалось столкновение двух американских политических сил.

Европейский Другой

Эта история заставляет задуматься и над другим вопросом: почему же американцы так ожесточенно спорили о внешней политике? Ранняя Американская республика в ее отношениях с внешним миром сильно отличалась от современных США. Недавно появившаяся на мировой сцене, во многом — особенно экономически — зависевшая от европейских держав, ощущавшая опасность утратить недавно завоеванную независимость Америка прежде всего отстраивала себя от этих стран.

Можно посмотреть на этот процесс и как на трудное строительство американской нации, лишенной исторического прошлого. В самом деле, ответ на вопрос «кто мы такие?» принято искать в собственном прошлом или — реже — в сравнении с соседями («мы не они!»). Соединенные Штаты появились в самом начале эпохи национализма, когда европейские нации наперегонки искали идентичность в далеком прошлом, (ре)конструировали мифы и собирали фольклор; США по очевидным причинам не хватало такой истории, а потому американское общество эксплуатировало сравнение с европейским Другим.

Такая зависимость страны от внешнего мира не могла не сказаться и на ее внутренней политике.

Среди первых 15 президентов США (от Войны за независимость до Гражданской) только трое — Джон Тайлер, Джеймс Нокс Полк и Миллард Филлмор — не имели предшествовавшего опыта во внешней политике в качестве посланника в одной из стран Европы, госсекретаря или же генерала,

участвовавшего в войне (причем Тайлер и Филлмор не были избранными президентами, а заняли пост в результате смерти предшественников, а Полк в качестве президента уже сам развязал войну с соседней Мексикой). Пост государственного секретаря рассматривался в тот период как трамплин для будущего президента.

Для сравнения: за последние 100 лет только два президента США имели внешнеполитический опыт — Дуайт Эйзенхауэр, командовавший американскими войсками в Европе во время Второй мировой войны, и Джордж Буш-старший, побывавший представителем США в ООН и неформальным «послом» в Китае. Должность государственного секретаря в это время, напротив, стала считаться концом политической карьеры, поскольку приносила ее обладателю не столько международный опыт (который более не интересовал американских избирателей), сколько шлейф плохих новостей из-за внешнеполитических провалов. Последним доказательством этого правила стала история Хиллари Клинтон. Ее деятельность на посту руководителя Госдепом вызвала поток обвинений в прессе и со стороны конкурирующих политиков, и эта критика критически сократила ее шансы стать президентом.

Вместе с этим напряженным вниманием к международным делам американцы первых поколений следовали заповеди Джорджа Вашингтона, призвавшего преемников не заключать ни с кем обязывающих союзов. Америка слишком слаба, чтобы рисковать собой за интересы великих держав, но достаточно далека, чтобы не стать случайной жертвой европейских столкновений. Что касается американской демократии, то в первые десятилетия существования США она рассматривалась не как универсальная модель, а как смелый эксперимент, который желательно оберегать от европейских проблем («не стоит пытаться осветить нашим факелом свободы европейские закоулки, рискуя его там погасить»).

Изменения начались в середине XIX века.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ
Эффект «Весны народов».
Как США стали примером для Европы,
а Россия — нет

С момента самых первых известий об американской революции европейские реформаторы и будущие революционеры с особым вниманием стали присматриваться к ее примеру. Тексты Декларации независимости и конституций (США и отдельных штатов) повлияли на документы Великой французской революции и вошли в набор обязательного чтения европейских радикалов. Александр Радищев был отправлен Екатериной II в ссылку за то, что «хвалил Франклина» (мало кто знает продолжение часто цитируемого отзыва императрицы о писателе: «Он бунтовщик, хуже Пугачева... в конце хвалит Франклина как начинщика и себя таким же представляет»). Однако на протяжении нескольких десятилетий сами американцы не знали о силе влияния их примера на европейские умы.

Мимо внимания американских газет (и даже мимо понимания дипломатов, находившихся в 1825 году в Петербурге) прошло восстание декабристов. Американцы так и не узнали, что те составляли свои конституционные проекты по образцу основного закона США. Публикация книги Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» в 1835 году и ее огромная популярность в Европе стали первым признаком того, что американский пример начинает играть роль в политических дебатах. Но только европейские революции 1848–1849 годов, получившие название «Весна народов», стали переломным моментом в развитии представлений о месте Соединенных Штатов в мировой политике.

Неожиданная мягкая сила

Для самих американцев известия из Европы совпали с победой в войне с Мексикой (1846–1848), после которой США увеличили свою территорию на половину бывшей территории южного соседа. Последовали ожесточенные споры о судьбе рабства в новых штатах, которые рано или поздно должны были быть образованы на этих землях. Эти споры спустя десятилетие приведут к Гражданской войне, но пока, в 1849–1850 годах, большинство американцев гордились военными успехами молодой республики. Другим источником гордости стало развитие парового транспорта, на которое тоже обратили внимание европейские державы: Россия с 1844 года строила железную дорогу между Петербургом и Москвой с помощью американских инженеров, Пруссия и та же Россия заказывали на американских верфях пароходы для своего флота. Началось и триумфальное шествие телеграфного сообщения с помощью аппарата, разработанного Сэмюэлом Морзе, — американские газеты того времени были полны перепечаток из европейской прессы, в которой США называли «рассадником промышленности» и главным конкурентом «мастерской мира» — Великобританией.

И в этот самый момент в Америку пришли известия о волне революций, захлестнувшей Старый Свет. Пресса сообщала, что во Франции, Италии, Германии революционеры опирались на Соединенные Штаты как на пример государственного устройства, которое они хотели бы видеть осуществленным и в своих странах. Восставшие против Габсбургов венгры пригласили в страну американского посланника, сравнивая свою борьбу с Войной за независимость в США. Влияние Америки неожиданно оказалось намного сильнее, чем представлялось всем современникам, оценивавшим ситуацию внутри традиционной системы международных отношений и с помощью расчета численности армий. Понятие «мягкая сила» будет предложено

Джозефом Наем лишь через полтора столетия — но это была именно она.

Осознание этой новой роли и новых возможностей своей страны подтолкнуло американских политиков к использованию национальной гордости во внутривнутриполитических целях. Главной угрозой американскому государству после мексиканской войны стало усиление противостояния Севера и Юга, которое через 10 лет приведет страну к Гражданской войне. И когда австрийский посланник направил ноту протеста по случаю поездки американского дипломата к восставшим венграм, госсекретарь Дэниел Уэбстер опубликовал резкий ответ на нее. В открытом письме австрийскому дипломату он сравнил владения дома Габсбургов «с пятном на поверхности Земли» — в сравнении с территорией Соединенных Штатов — и отверг всякие претензии. В частном письме приятелю Уэбстер объяснял, что на самом деле он обращался не столько к иностранному дипломату, сколько к чувству гордости американцев, старался пробудить их национализм и «заставить выглядеть смешными и глупыми тех, кто говорит о расколе».

Среди политиков сформировалась группа «Молодая Америка», ставившая своей целью революционизировать всю мировую систему. Русский революционер Александр Герцен в «Былом и думах» заметил в тот момент, что американцы отправляют послов «не к царям, а к народам», и хотя это было преувеличением, подобное представление о международных отношениях действительно сформировалось среди части американской элиты. Спустя полтора века именно из-за неготовности выбирать между «царем и народом» попадет под пресс официальной пропаганды посол США в России Майкл Макфол.

Русский Другой

Однако такое четкое описание Америки как образца и маяка для революционеров Европы требовало одновременно-

го определения и противоположного полюса — бинарные схемы вообще характерны для социального конструирования. И на роль этого полюса впервые оказалась предложена Россия: страна — хранитель Венской системы международных отношений, принципа легитимизма и Священного союза.

Выбор России в качестве Другого вполне объясним: разрушая представления о международной политике, поддерживавшиеся Священным союзом, революции 1848–1849 годов актуализировали картину мира, в которой основой для описания политической действительности стали оппозиции «республика — монархия», «свобода — деспотизм», «нация — империя». И если первые части этих пар приписывались США, то вторые части наилучшим образом связывались с Россией. Этому поспособствовал и тур по США лидера разгромленных мадьяр Лайоша Кошута в 1851–1852 годах. Революционер обличал не только Австрию, но и Россию (отправившую войска для подавления восстания) как главного врага свободы.

Кстати, и европейские мыслители примерно с этого времени обрели двух «конституирующих Других» и начали описывать Европу как лежащую между «крайностями» деспотической России, с одной стороны, и анархической Америки — с другой. Наполеон на острове Святой Елены предрекал, что Европа вскоре станет «либо республиканской, либо казачьей». Александр Герцен так писал об этом: «Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до чудовищной крайности начала монархизма и европейской бюрократии».

В 1852 году в США вышла первая книга об отношениях России и Соединенных Штатов, написанная начинающим политиком (будущим конгрессменом) Генри У. Дэвисом. Книга называлась «Борьба Ормузда и Аримана в XIX

веке». Олицетворением сил света в этой книге были, конечно, США, а тьмы — Российская империя. «Я утверждаю, — писал американский политик, анализируя подавление русскими войсками венгерского восстания 1848–1849 годов, — что целью этой борьбы было изменить баланс сил в Европе в пользу России... что ее мощь будет с необходимостью, принципиально и сознательно направлена на разрушение всех свободных правительств; что она абсолютно несовместима с существованием Английской монархии и Американской республики как свободных народных представительных правительств». Именно это, по мнению Дэвиса, побуждает Россию «к активной враждебности против нашей республики». Последние слова были написаны в очевидном противоречии с фактами — никакой «активной враждебности» к США Россия не проявляла; более того, трудно себе представить, чтобы в России того периода могла быть напечатана подобная по тону антиамериканская книга. По иронии судьбы книга Дэвиса стала первым известным нам сочинением, написанным как политическая рекомендация по русско-американским отношениям.

Дипломат, опередивший время

В этот момент (и в ответ на антирусские речи и публикации в американской печати) ветеран зарубежной контрпропаганды генеральный консул России в Нью-Йорке Алексей Евстафьев написал книгу о Соединенных Штатах Америки. Любопытнейшая рукопись под заголовком «Великая республика, проверяемая прикосновением истины» осталась неопубликованной и лежит в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

В предисловии к книге Евстафьев рисует три типа правительственной власти — «деспотическую, ограниченную и народную, представленные соответственно Рос-

сией, Англией и заатлантической новой республикой Соединенных Штатов». Именно эта конструкция требовала, по мысли Евстафьева, сравнивать «одну из этих крайностей, народную Американскую республику», с ее «антиподом, русским деспотизмом». Главный вопрос современности, считает автор, «монархии ли объединятся против республик, или республики договорятся о том, чтобы разрушить все монархии». Кто из них «настоящий враг общественного порядка, мира и счастья и кто окажется триумфатором в итоге», будет ясно только в самом конце.

За первые десятилетия существования демократической республики США добились многого, писал Евстафьев, но баланс добра и зла в том, что ими создано, остается предметом спора. «Одни изображают ее как истинный свет», а другие «проклинают ее как... сирену со змеиным глазом... сеющую везде, где она может, драконьи зубы революции». Сам консул считал, что Американская республика «представляет собой не что иное, как правдоподобный обман... Она неизбежно падет».

Русский дипломат обвинял американцев в моральном релятивизме: «У них всегда победа над мятежниками зовется жестоким деспотизмом, триумф разрушительных сил всегда — избавление от рабства». Не забывает Евстафьев и о сравнении Америки с собственной родиной: «Даже крайность современного деспотизма, самодержавие, ограниченное только лишь собственными просвещенными взглядами, на практике более благоприятна для положения человека, чем противоположная крайность демократического правления».

Положительной чертой России в сравнении с Соединенными Штатами русский консул считал контроль над печатью: русский человек «свободен от насильственного вторжения ужасного разрушителя, неограниченной прессы». Надо еще узнать, восклицает Евстафьев, где больше

счастья и «где оно уступает место нищете, помимо извращенного республиканского воображения». Конечно, соглашается дипломат, «встречаются и злоупотребления, поскольку их не может предотвратить ни одно правительство»; но это исключение из правил, а «в связи с привычками и способностью приспособиться, присущей народу, оно не приводит к серьезным неудобствам».

К моменту завершения рукописи в Америке стала спадать волна антирусских настроений, и, очевидно, «объявлять войну» Американской республике оказалось совсем не к месту. Однако любопытно, насколько русский дипломат предвосхитил линию аргументации, которой будут придерживаться российские критики американского опыта в XX и даже начале XXI века. Евстафьев был внимательным наблюдателем и оказался одним из первых европейских критиков американской демократии.

«Заниматься своими делами»

Такое переформатирование системы международных отношений в биполярное противостояние, живо напоминающее современному исследователю ситуацию, сложившуюся столетием позже, не продержалось долго. Восстания в Европе были подавлены, революционеры казнены или эмигрировали (в США появилась целая группа «сорокадевятников» — политически активных иммигрантов, некоторые сделали карьеру на своей новой родине), а система представлений о мире на несколько десятилетий вернулась «к норме» (и Россия вновь стала не Другим, а «другом» Соединенных Штатов).

Американцы первой половины XIX века не руководствовались каким-то единым набором критериев, на основании которых они могли бы оценивать окружающий мир. Только часть граждан республики считала демократическую модель универсальной, а право наций на независимость —

священным. Другие американцы соглашались со своими европейскими современниками в том, что демократия — уникальное явление, связанное с особенностями американского изолированного положения и американской истории, тогда как для многих европейских наций независимость и демократия неприменимы в силу их национального характера и неразвитости общественных институтов. На этом была основана дипломатическая практика Соединенных Штатов.

«В соответствии с нашим политическим кредо, — объяснял читателям ведущий демократический журнал *United States Democratic Review* в конце 1830-х, — наше федеральное правительство в его отношениях с иностранными державами придерживается принципа, согласно которому договоры о защите торговли и частных прав граждан нашей и других стран заключаются с теми, кто на деле обладает суверенной властью в данной стране, — таким образом, признавая факт, но не оценивая справедливость титула, на котором эта власть основана».

Посланник в России Джеймс Бьюкенен развивал подобные взгляды в депеше госсекретарю: «Наш принцип — заниматься своими делами и предоставить другим нациям делать то же самое... В результате такой политики наибольшего эффекта мы достигаем с помощью примера; и мы, таким образом, лучше способствуем делу свободы в мире, чем могли бы путем прямого и активного вмешательства в дела других наций... У меня есть причина верить, что [российский] император очень хочет оставаться в хороших отношениях с самыми свободными людьми на земле, и он весьма доволен тем, что они готовы культивировать его дружбу».

«Что бы мы ни думали о России как деспотической державе, — писал в 1854 году другой американский посланник, Томас Сеймур, — здешнее правительство постоянно дружественно к правительству Штатов, и мы можем про-

должать и развивать нашу торговлю с ней без того, чтобы одобрять ее политику или отказываться от наших республиканских принципов».

Уже вскоре американское общество займет сторону России в годы Крымской войны, а еще через несколько лет российское правительство поддержит правительство Линкольна в Гражданской войне. Для становления России в качестве Другого Америки время придет позднее.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ
*Преодоление Гражданской.
Как США самоутвердились,
помогая голодающей России*

Самым большим кризисом в американской истории стала Гражданская война 1861–1865 годов. Вот уже полторы сотни лет американцы спорят о ее значении и содержании. Братоубийственная война, война между штатами, война за южную независимость, война за единство союза, война за уничтожение рабства — все эти (и многие другие) определения имели в прошлом и имеют сегодня своих сторонников. В Гражданской войне, которую по способам ведения боевых действий и по масштабам вовлечения невоенного населения называют предтечей войн следующего, XX века, погибли и пропали без вести более миллиона человек. В ходе войны и начавшейся после нее Реконструкции Юга было отменено рабство и черным американцам предоставлены политические права. Однако после выборов 1876 года, в объявленные результаты которых мало кто поверил (республиканский кандидат Хейс должен был проиграть демократу Тилдену, но в последний момент получил голоса выборщиков трех южных штатов, которые всегда голосовали за демократов), новый президент распорядился завершить процесс Реконструкции, бывшим мятежным штатам было возвращено самоуправление — и там немедленно установилась система расовой сегрегации, законы Джима Кроу и суды Линча для черных. Политическая система США, по общему убеждению, не справилась с кризисом, Вашингтон погряз в коррупции, а политический и социальный откат, выразившийся в возвращении к правлению

белых в штатах Юга, заставил задуматься, ради чего погибли сотни тысяч американцев.

Последние два десятилетия XIX века американское общество искало ответы на этот вопрос — и новые основания для гордости собой. Быстрое развитие промышленности в последней трети столетия лишь частично примиряло интеллектуалов с действительностью. Марк Твен назвал это время «позолоченным веком» — под внешними успехами страны скрывалось сомнение в прочности общества.

Недовольство тем, как идут дела в самих Соединенных Штатах, заставило американцев искать опору во внешнем мире: сравнение с местами, где дела обстояли хуже, чем в Америке, помогало поддержать тонус «лучшей страны на свете». Не в первый раз в своей истории американское общество обратилось к опоре на «внешнюю идентичность», которая позволяет описывать себя как отличающегося от Другого (а не через собственные имманентные черты). Именно поиск такого Другого вновь обратил внимание американцев на Россию.

Дружба уходит с Аляской

Эпоха российско-американской дружбы, связанная с тесным сотрудничеством в технологической области (строительство железных дорог, пароходов, телеграфа, производство оружия) и взаимной поддержкой в годы Крымской войны и Гражданской войны в США, увенчалась продажей российским правительством Аляски Соединенным Штатам в 1867 году. В Санкт-Петербурге в тот момент возобладала точка зрения Морского министерства, не видевшего путей эффективной защиты удаленной территории в случае крупного конфликта с Великобританией, и Министерства финансов, считавшего содержание Русской Америки убыточным (вопреки расчетам, предоставленным Российско-американской компанией). Для Вашингтона эта покупка стала предпо-

следним расширением территории и первым приобретением земли, не прилегавшей к границам страны (в американском конгрессе очень многие выступали против покупки Аляски, и русский посол Эдуард Стёкль потратил значительную сумму на подкуп сенаторов для ратификации договора).

После этого, однако, отношения пошли под гору. В начале 1870-х великий князь Алексей путешествовал по США, встречая повсюду восторженный прием, но аудиенция у президента Гранта оказалась весьма прохладной. Император Александр II не оставил это незамеченным, когда попросил американского посланника передать благодарность народу Соединенных Штатов за внимание к сыну. Посланник ответил, что передаст благодарность Гранту, но царь поправил его: «Я сказал — народу, а не президенту».

В 1881 году «Народная воля» убила Александра II, а в США в том же году уволенный чиновник убил президента Гарфилда. Эти события стали поводом не только для объединения (в официальных соболезнованиях два события сравнивались), но и для противопоставления двух стран. Исполнительный комитет «Народной воли» осудил убийство президента в специальном обращении к американскому народу: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей — в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия».

Лекции Кеннана

Вскоре Александр III развернул в России реакцию, казнив народолюбцев и отправив в Сибирь десятки революционеров и критиков правительства. Именно в это время

американский журналист Джордж Кеннан запросил у российского правительства разрешение на путешествие по стране.

Кеннан не впервые отправлялся в Россию — его знакомство со страной состоялось еще в 1860-е, когда он попал в Сибирь с партией телеграфистов, изучавших возможный маршрут межконтинентального телеграфа для компании Western Union. Конкуренты сумели быстрее наладить телеграфное сообщение по дну Атлантики, но результатом поездки стала книга Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири», написанная с симпатией к местному населению. После этого американский телеграфист переквалифицировался в журналиста-путешественника и, в частности, посетил Кавказ (результатом чего стала серия журнальных статей). Именно его симпатия к России стала решающим фактором в разрешении Кеннану проехать по стране в 1885–1886 годах.

Американец оказался в Сибири в тот самый момент, когда царское правительство населило ее русскими революционерами и либералами. Американский журналист встречался с людьми, крайне критично относившимися к российскому государству. Вернувшись в Америку, Кеннан начал читать лекции о стране, в которой лучшие люди сосланы правительством в Сибирь. Выходя к слушателям в кандалах и робе русского арестанта, Кеннан живописал жестокость русского правительства и страдания народа. Лекции были весьма популярны: собственные проблемы представлялись американцам незначительными в сравнении с российскими. Позднее Кеннан издал и книгу «Сибирь и ссылка», заложив традицию взгляда на Сибирь как на большую тюрьму. Когда в США спустя десятилетия был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, американские читатели увидели в нем развитие и подтверждение кеннановского описания (тогда как сам Солженицын, проводивший твердую границу между дореволюционной Россией и Советским Союзом, вряд ли был доволен таким отождествлением).

Друзья русской свободы

Попытка Александра превратить Российскую империю в национальное государство привела к началу массовой эмиграции в Соединенные Штаты евреев, русских немцев, духовоборов, штундистов. Эмигранты имели причины не любить оставленную страну, и их голос, пока еще не очень громкий, стал тем не менее размывать образ «дружественной России».

В эти годы в США сформировалось Общество друзей русской свободы, в которое среди других либеральных активистов вошли некоторые бывшие видные аболиционисты и их дети. Они описывали Россию примерно теми же словами, которые использовали для рассказа о Юге США до Гражданской войны: хороший народ России страдал под гнетом ужасного правительства и ждал избавления, которое могли принести ему американские друзья.

Конечно же, в США в этот период появились и другие образы России; в целом можно сказать, что происходило быстрое размножение представлений о заморской империи, усложнение ее образа. В это время в США приезжали Петр Чайковский и Василий Верещагин, были опубликованы переводы книг Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Антона Чехова. В Америке появились пропагандисты русской культуры, называвшие себя русофилами. Правда, политическая система России не интересовала русофилов, призывавших оценивать страну не по ее политике, а по культурным достижениям.

В 1891–1892 годах в России разразился голод. Американские филантропы задались целью помочь голодающим; их усилиями в Россию были доставлены тонны продовольствия, собранные в Соединенных Штатах. Американская помощь впервые стала не метафорой, а реальным делом. Филантропы имели основания гордиться собой: возможность помочь одной из главных европейских стран позволя-

ла ставить себя выше нее, поверить в собственное предназначение. Именно в это время Иван Айвазовский (он как раз путешествовал по США, но перед отъездом стал свидетелем встречи американских кораблей в России) написал картины «Корабль помощи» и «Раздача продовольствия», показывавшие благоговейное отношение русских крестьян к американским продуктам.

Становление американского миссионерства

Помощь голодающим в России стала важным этапом в становлении американского миссионерства, представления об особом предназначении Соединенных Штатов: помогать другим странам мира преодолевать трудности и двигаться по американскому пути. Конечно же, уверенность в особой роли жителей Америки восходит к пуританским представлениям о «граде на холме» (слова из проповеди 1630 года одного из первых губернаторов колонии Массачусетского залива Джона Уинтропа), образце для всего мира — секуляризованным в результате Американской революции (образец теперь был не религиозным, а политическим). Но все же решительный шаг от роли «модели» и образца к действиям по преобразению мира был впервые сделан в конце XIX века. Россия хорошо ложилась в логику конструирования американского Другого: бинарное противопоставление, впервые сформулированное за полвека до этого во время европейских революций, теперь сопрягалось с весьма популярной (и респектабельной в конце века) расовой теорией: русские представляли собой противоположный американцам полюс внутри той же «белой расы», где сравнение было возможным.

Однако не Россия стала для США местом первой пробы сил по продвижению демократии. Восставшие (уже не в первый раз) против испанской метрополии кубинцы потерпели поражение и страдали под игмом Мадрида. Именно в

этот момент американское руководство впервые решило перейти черту между моральной поддержкой и военной операцией в поддержку демократии. Предыдущая война с соседней страной, Мексикой, в 1846–1848 годах не направлялась демократической идеологией (скорее, напротив, демократия использовалась как аргумент собственной исключительности, ставивший под сомнения цели войны: противники территориальных приращений за счет южного соседа в американском сенате убеждали сограждан, что мексиканцы не готовы к жизни в условиях демократии, а потому нельзя присоединять к США мексиканские провинции). В 1898 году антииспанские восстания на Кубе и Филиппинах стали поводом для американского вмешательства в целях установления демократии. Модернизированный американский флот легко разбил состоявшие из устаревших кораблей испанские эскадры в Вест-Индии и на Тихом океане, продемонстрировав всему миру, что мессианизм США имеет под собой прочное военно-техническое основание.

Испано-американская война 1898 года стала поворотным пунктом в американской внешней политике. Отныне США могли силой продвигать демократию в мире. Успешная война с Испанией также помогла американцам избавиться от пессимизма предыдущих десятилетий. С этого времени в стране развернулось движение прогрессистов, веривших в способность американцев решить любые технические, социальные и политические проблемы с помощью реформ. В этой среде сформировалась и программа реформы мировой политики, которую выдвинет, став президентом, один из лидеров прогрессистов Вудро Вильсон. А Россия в политической риторике США с началом нового века становилась все более четким антиподом всего американского.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ
Попытка лидерства.
Как Вильсон придумал Лигу Наций,
но США опять закрылись от мира

Уверенная победа над Испанией в 1898 году помогла Соединенным Штатам преодолеть внутренний разлад, тянувшийся с времен Реконструкции Юга. Двумя годами ранее, в 1896-м, сегрегация черного населения в бывших мятежных штатах была признана конституционной решением Верховного суда по делу «Плесси против Фергюсона»; в результате расовое деление общества перестало восприниматься как проблема. Теперь ничто не мешало американцам перевернуть страницу и, забыв о вопросе сегрегации, сосредоточиться на новой программе реформ.

В самом деле, быстрое развитие техники сделало возможным сказочные свершения. По дорогам покатались автомобили, в небо взмыли самолеты, телефон и электрическое освещение изменили образ жизни буквально на глазах. Почему же общество меняется так медленно, спрашивали себя американцы начала XX века, которых называли прогрессистами. Они начали борьбу по широкому фронту: выступали за прямые выборы сенаторов, за право голоса для женщин, за введение референдумов в штатах, за ликвидацию всевластия партийных боссов, против коррупции в правительстве и злоупотреблений в крупных компаниях, против детского труда и свободной продажи алкоголя.

Менялась и внешняя политика США. Первый президент нового века, взявший прогрессистов в союзники, Теодор Рузвельт, самый молодой президент в истории страны и ветеран недавней войны на Кубе, придумал «политику боль-

шой дубинки», поддержал инсургентов, отделивших Панаму от Колумбии, и начал строительство межокеанского канала на этой территории, завершил в пользу Штатов долгий пограничный спор с Великобританией на Аляске и развернул строительство военно-морского флота, к концу его президентства ставшего вторым в мире после британского.

В 1905 году Рузвельт выступил посредником и «миротворцем» в переговорах представителей Японии и России, состоявшихся в Портсмуте, и стал первым американским президентом, получившим Нобелевскую премию мира за помощь в завершении русско-японской войны.

Казалось, США покочили с вековой традицией изоляционизма и вступили на путь имперского великодержавия. Начало мировой войны в 1914 году выглядело, однако, демонстрацией прежнего маргинального статуса заокеанской республики: европейские державы развязали конфликт без ее участия. К этому времени президентом США был уже другой прогрессист, бывший профессор и президент университета Вудро Вильсон.

Еврейский вопрос

А что же Россия? В последние десятилетия XIX века Российская империя стала одним из главных источников новых иммигрантов в США. Ужесточение законов, ликвидация привилегий и особых прав российских немцев и религиозных сектантов, а также укрепление ограничительных законов против евреев (сопровождавшееся ростом насилия) привело к резкому росту эмиграции этих групп в США. Среди этих людей были политически активные, как, например, Эмма Гольдман, ставшая самым известным оратором американского анархизма, но были и люди, предпочитавшие тихую жизнь в иммигрантском гетто на новой родине. Однако их дети окажут огромное влияние на американскую культуру XX века: большинство основателей

Голливуда, плеяда знаменитых музыкантов во главе с самим Ирвингом Берлином, актеры и режиссеры выросли в семьях еврейских иммигрантов из России.

В этот период американцы нередко вспоминали нашу страну — но поводы для этого не располагали к хорошему отношению. И дело было не только в начавшейся конкуренции России и США на Дальнем Востоке. В 1903 году главной новостью из России стал кишиневский погром. Возмущение насилием против евреев в самодержавной империи удачно скрывало всплеск судов Линча на юге самих Соединенных Штатов, — недаром защитники России часто вспоминали стеклянный дом, в котором не стоит бросаться камнями в соседа.

В 1904 году на первый план вышла война с Японией, в которой американское общественное мнение поддерживало «янки Востока» против «больного человека Европы», которым теперь рисовалась не Османская империя, а Российская. Быстрое техническое развитие, опиравшееся на американский опыт, создавало условия для благоприятного взгляда на Японию — точно так же американцы благоклонно смотрели на Россию полувеком раньше, когда их соотечественники строили московскую железную дорогу и покрывали страну сетью телеграфа.

В 1905 году в России началась революция — и первой реакцией на нее американского общества было воодушевление: наконец-то русские вступили на путь, проложенный американцами. Однако уже к концу года радикализм революционеров и жестокость царского режима привели американских наблюдателей к разочарованию: нет, это не американский путь.

Очень долго российско-американские отношения отравлял «паспортный вопрос», связанный с тем, что Российская империя отказывалась считать натурализовавшихся в США бывших российских подданных еврейского происхождения американцами, требуя от них в случае приезда в Россию

соблюдения ограничительных законов империи. Возмущение этой позицией привело в 1911 году к прекращению по инициативе США действия торгового договора между странами, заключенного еще в 1832 году. Так в начале нового века завершился период дружбы между Российской империей и Соединенными Штатами Америки.

Война как битва демократий

Однако уже вскоре революция в России, казалось, смела эти проблемы. Свержение самодержавия оказалось как нельзя кстати для президента Вильсона, который уже принял решение о вступлении США в мировую войну, но искал для этого идейные обоснования.

Дело в том, что Вильсон продолжил курс на усиление роли Соединенных Штатов как великой державы, но в отличие от Рузвельта он решил положить в основу американского влияния детально разработанный план нового мирового устройства. Когда после долгих колебаний в апреле 1917 года Вильсон призвал конгресс «объявить войну, чтобы закончить все войны», он обосновал выбор стороны в этой войне, описывая Первую мировую как битву демократий против автократий:

«Без взаимного согласия демократических наций прочный мирный союз сохранить невозможно, — утверждал американский президент в своем послании конгрессу. — Ни одному автократическому правительству нельзя доверять, что оно будет оставаться лояльным такому союзу или будет соблюдать его договоры. Необходимы лига чести, партнерство мнений, иначе вероломство разьет подобный союз изнутри... Лишь свободные народы могут утверждать свои намерения и блюсти свою честь во имя общей цели и ставить интересы человечества выше любых узкокорыстных интересов».

Вот тут и пришлись к месту известия из революционной России, где восставший народ покончил с монархией:

«Разве не чувствует каждый американец, что замечательные, радующие сердце события, происходящие в последние несколько недель в России, укрепили наши надежды на будущий мир во всем мире? Для тех, кто знал ее лучше других, Россия всегда была в основе своей страной демократичной во всем, что касалось жизненно важных традиций ее идеологии, во всех родственных взаимоотношениях ее народа, которые отражали его природные инстинкты, его привычное отношение к жизни. Автократия, находившаяся на вершине ее политической структуры, при всем том, что она существовала там с давних пор, обладала ужасающей властью, но ни по своему характеру, ни по целям самодержавие не было русским по происхождению. И сегодня оно свергнуто, и великий, щедрый русский народ во всем своем величии и мощи стал составной частью сил, которые сражаются за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойный партнер в лиге чести».

Да, теперь войну можно было описать как битву демократий (включая только что освободившуюся Россию) против автократий Тройственного союза.

Через год Вудро Вильсон сформулировал «Четырнадцать тезисов», в которых описал свои представления о послевоенном мироустройстве. Главной идеей тезисов стало предложение создания международной организации по поддержанию мира. Еще через год Вильсон первым из президентов США покинет страну и отправится через Атлантику, чтобы добиться в Версале принятия своего плана. Он сумел убедить своих партнеров по переговорам создать Лигу Наций и вернулся в США — чтобы столкнуться со всплеском изоляционизма: американские законодатели провалили ратификацию международных соглашений, придуманных и подписанных президентом. Вряд ли Вильсон утешился тем, что стал вторым президентом США, получившим Нобелевскую премию мира.

Антиреволюционная республика

В декабре того же 1919 года случилось еще одно событие, заслуживающее нашего внимания: из США в революционную Россию (которая снова не оправдала надежд умеренной Америки) были высланы на специально предоставленном корабле «Буфорд» 249 анархистов, социалистов, активистов рабочего движения, в разные годы эмигрировавших в США. Так, среди пассажиров «Красного ковчега» (как окрестили корабль журналисты) оказалась Эмма Гольдман, покинувшая Санкт-Петербург еще в начале 1880-х. Американское правительство решило вернуть опасных эмигрантов в страну их происхождения, ставшую теперь центром радикализма. Это решение не только демонстрировало представления элиты США о том, чем стала в тот момент Россия, но и создавало четкий образ самих Соединенных Штатов как страны, не приемлющей радикализм. В самом деле, определение того, каким людям не место в стране, является попыткой закрепить особую идентичность этой страны, и история «Буфорда» — яркий пример такой борьбы за идентификацию США как антиреволюционной республики.

Появление Советской России стало серьезным вызовом для американского представления о своей стране как безусловной модели для остального человечества. Теперь моделей стало две, и оказалось, что США не готовы к такой конкуренции.

Уже вскоре американские войска будут отправлены в Россию в составе экспедиционных сил Антанты, однако отсутствие ясно сформулированной стратегии по отношению к революционной России привело к тому, что на севере страны американцы вынуждены были действовать под прямым командованием англичан, а на Дальнем Востоке их командир считал основной целью сдерживание японского

проникновения, в то время как рядовой состав недвусмысленно симпатизировал большевикам.

Попытка США занять новое место в системе международных отношений, подобающее ей как экономическому гиганту, потерпела крах — и не в силу противодействия ослабленной мировой бойней Европы, а в силу возвращения в самих Соединенных Штатах изоляционистских настроений и опасений идеологической заразы, распространяющейся из России. Страна снова сосредоточилась на внутреннем развитии, привыкая к результатам реформ, проведенных поколением прогрессистов, включая сухой закон и право голоса женщины. Начавшийся в России в 1921 году голод привел к попыткам нового переосмысления американской миссии: «Сотни тысяч людей голодают, — ответил однажды на вопрос журналиста глава Американской администрации помощи (АРА) Герберт Гувер, — каковы бы ни были их политические взгляды, их надо просто накормить». АРА и американские религиозные организации в самом деле спасли десятки тысяч людей от голодной смерти, но официальная Америка отказывалась иметь дело с новой властью полтора десятилетия: зачем, если страна решила не взваливать на себя ответственность за мировые дела?

Новую попытку выйти на первый план мировой политики Соединенным Штатам Америки пришлось отложить до Второй мировой.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ
Война между победителями.
КГБ в балете
и ЦРУ в абстрактной живописи

Первая большая попытка выйти на ведущие роли в мировой политике закончилась для Соединенных Штатов разочарованием. Конгресс отказался ратифицировать вступление США в Лигу Наций — то самое «мировое правительство», придуманное президентом Вильсоном и навязанное им европейским лидерам в Версале. Вместо всеобщего мира, обещанного после окончания Первой мировой, Европу и Азию охватили гражданские и национально-освободительные конфликты, да и само участие американцев в Великой войне многим стало представляться бессмысленным. Вышедший в 1929 году роман Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!» сформулировал разочарование «потерянного поколения» в целях и смысле мировой бойни. От интернационализма Вудро Вильсона политика и общественное мнение США качнулись к традиционному для страны изоляционизму (отказ от признания советского правительства можно рассматривать не только как «наказание» за революционную экспроприацию частной собственности в СССР, но и как составной элемент изоляционистского внешнеполитического курса).

Однако разразившийся в том же 1929 году экономический кризис, вскоре переросший в Великую депрессию, вновь поставил под сомнение представления жителей США о собственной национальной идентичности. Изоляционизм был связан, помимо рациональных расчетов отцов-основателей, с уверенностью в том, что американцы живут в лучшем

из существующих обществ. Такая уверенность требовала от политиков постоянного переизобретения системы координат, которая сохраняла бы эту удобную иерархию. Среди исторически сменявшихся оснований такого превосходства были религиозное избранничество пуритан в XVII — начале XVIII века, передовое социально-политическое устройство (изобретение конституции и представительной демократии) в конце XVIII века, технологические чудеса и расистские теории общества во второй половине XIX века. С конца XIX века в основу представлений об избранности Соединенных Штатов легла успешная экономика, намного опередившая другие страны мира по эффективности.

Конец изоляционизма

Экономический коллапс Великой депрессии ударил не только по материальному благосостоянию, но и по картине мира американцев. Избранный президентом в 1932 году Франклин Делано Рузвельт должен был не только излечить экономику страны, но и заново собрать американскую картину мира. Неудивительно, что уже через несколько месяцев после въезда в Белый дом Рузвельт установил дипломатические отношения с СССР: старое «описание мира», очевидно, уже не годилось.

Этот запрос на обновление системы координат сделал возможным второй выход США из изоляции — теперь уже окончательный. Историки спорят, можно ли считать, что Рузвельт сознательно провоцировал Японию на атаку, — экспансионизм островной державы имел собственные основания, но ясно, что американское правительство использовало Перл-Харбор для того, чтобы подавить последние очаги изоляционизма в собственном обществе. Победу в войне обеспечили экономическая мощь США и человеческие ресурсы Советского Союза — неочевидный альянс, имевший долговременные последствия. В результа-

те Второй мировой (которую Иммануил Валлерстайн описывал как войну между США и Германией за первенство в новой мировой системе; он отвечал возмущенным недооценкой роли СССР россиянам, что пишет не о вкладе стран или героизме жителей, а о том, что считает объективным содержанием мирового конфликта) Соединенные Штаты превратились в одну из двух мировых держав. Второй такой державой стал Советский Союз.

Рузвельт умер накануне окончания войны и не был свидетелем того, как прорыв Америки на роль мирового лидера привел к новому кризису — теперь его причиной стало отсутствие идей, концепций, политических планов, определяющих, что именно США должны делать для соответствия этой роли.

Ошеломительный успех телеграммы, отправленной в Вашингтон из Москвы американским дипломатом Джорджем Кеннаном (дальним родственником того Джорджа Кеннана, который открыл для Америки сибирскую ссылку в конце XIX века) в феврале 1946 года, объяснялся тем, что она заполняла дефицит идей в государственном департаменте. Кеннан предложил использовать в отношениях с Советским Союзом и мировым коммунизмом «сдерживание» (но не войну и не сдачу позиций), и это понятие стало стержнем политики США на протяжении всей холодной войны.

Конечно же, последовавшие десятилетия стали временем глубокого реформатирования отношений Соединенных Штатов не только с СССР, но также с Европой и с остальным миром. На протяжении «изоляционистских» веков Америка играла для европейских реформаторов и революционеров роль образца, модели. Для такой роли необязательно было соответствовать мечтам этих реформаторов — они приписывали Америке черты своего идеала. Теперь же США пришли в Европу со своими военными базами, планом Маршалла, Голливудом и «Макдоналдсом» — и стали

для европейцев одной из обычных держав, утратив притягательность недоступной для непосредственного контакта утопии. Более того, послевоенная Западная Европа была переустроена на демократических и в основном республиканских принципах, и американский пример перестал быть уникальным. Создание НАТО превратило США также в «провайдера безопасности» для западноевропейцев, а эта роль производила также ощущение зависимости и недовольство. Взятые вместе, эти факторы провоцировали антиамериканизм — новое явление, незнакомое довоенному миру.

Культурный обмен ударами

Холодная война изменила и систему внутренних политических стимулов в странах-лидерах. Вряд ли когда-нибудь прежде соображения соперничества с альтернативным центром политического и идейного влияния в такой степени определяли внутреннюю политику страны. Не секрет, что обильное финансирование научных исследований в США (и в СССР) было вызвано стремлением опередить соперника в гонке вооружений. Однако сегодня опубликованы монографии, в которых анализируется связь поддержки федеральным правительством США движения за гражданские права с необходимостью улучшения международного образа страны, который портила система сегрегации. Спорт и культура также оказались частью соперничества с Советским Союзом: недавно стало известно, что даже покровительство американской элиты современному искусству было результатом решений, принятых в логике этого соревнования. Оказывается, ЦРУ США стало в конце 1940-х — 1950-х годах важнейшим меценатом абстрактного искусства, втайне от участников оплачивая, в частности, выставки в Европе под названиями «Шедевры XX века» (1952), «Современное искусство в США» (1955), «Новая

американская живопись» (1958–1959). Многие из современных художников имели репутацию левых и даже преследовались в это время американскими маккартистами, но американское правительство смотрело на их работы в контексте глобального соревнования. В тот момент, когда из Советского Союза приходили известия о торжестве ждановщины, американские политики получили возможность заявлять, что «только при демократии, где личность всесторонне развивается, подобное искусство не только дозволено, но и поощряется»*.

Возвращение СССР в олимпийское движение в 1956 году немедленно сделало Олимпийские игры одной из арен соревнования двух систем. Американские спортивные функционеры и политики готовились к Олимпиадам как к решительному бою. Похожим образом на протяжении всей холодной войны болельщики двух стран смотрели на встречи национальных команд в хоккее или баскетболе.

В свою очередь, начало культурных обменов между СССР и США в конце 1950-х годов также воспринималось заметной частью политических элит как часть соревнования двух систем, к которому не могли не быть причастны государства. Игорь Моисеев вряд ли сильно преувеличивал, когда рассказывал анекдот после гастролей своего ансамбля в США в 1958 году: «Рецензенты писали: „Эти артисты, несомненно, работники КГБ, натренированные для того, чтобы иметь такой успех“. Им отвечали: „Если чекисты так танцуют, то как же должны танцевать настоящие артисты?!“»**.

---

* www.kommersant.ru/doc/2194746?fbclid=IwAR0BUK_IAhoOvn-yDnZkJNT_6tdQvpOup0-rkvqy1-B_M5JXGNgH40fjCbQ.

** См.: *Моисеев И. Я вспоминаю: Гастроль длиною в жизнь*. М.: Согласие, 1996.

Слабое место лидера

Выставки, концерты и спортивные соревнования были способом помериться «мягкой силой», однако они не могли скрыть от внешнего взгляда конфликты внутри общества, его несоответствие заявленной роли образца для остального мира. И тут самым слабым местом американского лидерства была проблема гражданских прав, вернее, их недостатка у черного населения. Гражданские права стали проблемой международной политики, в заметной своей части превратившейся в годы холодной войны в соперничество США и СССР за умы и сердца человечества.

Уже в январе 1948 года профессор Корнеллского университета и член президентского совета по гражданским правам Роберт Кушман в статье, опубликованной в *New York Times Magazine*, описал дилемму, перед которой оказались Соединенные Штаты: наша «нация стала самым сильным защитником демократического образа жизни, в противоположность принципам тоталитарного государства. Очень неприятно, когда русские сообщают о наших непрекращающихся судах Линча, о наших законах и обычаях Джима Кроу, нашей антисемитской дискриминации и нашей охоте на ведьм; но разве это неправда?»

Когда в 1958 году суд Алабамы приговорил чернокожего Джимми Уилсона к казни на электрическом стуле за ограбление женщины, на которую он работал, на сумму в 1 доллар 95 центов, эта новость вызвала огромный международный резонанс. Передовые статьи в газетах Эфиопии, Ганы и других африканских стран выражали недоумение по поводу жестокости приговора, норвежские домохозяйки и канадские судьи подписывали петиции в защиту Уилсона, а ямайская молодежь пикетировала американское консульство. По образу Америки как страны справедливого суда был нанесен удар. Пресс-секретарь американской Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения

Джон Морселл выражал уверенность, что прискорбным случаем «не преминут воспользоваться коммунисты» (и газеты стран Восточного блока, конечно же, им воспользовались). Угроза падения привлекательности американского примера (особенно для стран Африки, в которых подходил к концу период колониального управления) заставила действовать государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса. Обеспокоенный депешами со всех концов земли, он обратился к губернатору штата Алабама Джиму Фолсому с требованием вмешаться в ситуацию. Сразу же после того, как Верховный суд Алабамы подтвердил приговор, Фолсом помиловал Уилсона. Федеральное правительство недвусмысленно поддержало движение за гражданские права на Юге, а через несколько лет даже вводило войска в города Юга, чтобы обеспечить равноправие афроамериканцев.

Интересно, что именно победа движения за гражданские права станет для Соединенных Штатов опорой для критики Советского Союза во время «второго издания» холодной войны, после окончания периода разрядки.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Приходит Брежнев к Никсону.

Как СССР и США почти подружились

К началу 1970-х годов Соединенные Штаты достигли вершины своего могущества. Самая мощная в мире экономика и самая сильная армия дополняли теперь привлекательность государственной модели США. И хотя жители Западной Европы больше не смотрели на заокеанскую республику как на единственный образец демократического устройства, США могли теперь продвигать свое представление о лучшем обществе с помощью военной и экономической мощи. «Американская исключительность» означала доселе американский «особый путь», опыт демократического самоуправления; однако в послевоенный период этот особый путь вдруг превратился в универсальную «столбовую дорогу» истории, по которой двинулось большинство стран Западной Европы. Другими словами, Соединенные Штаты перестали быть уникальной моделью государства в тот самый момент, когда получили возможность эту свою модель распространять с помощью экономического и военного давления. Европейский взгляд на США с этого времени сосредоточен на проблематике «проекции силы», а не на общественном устройстве этой страны.

Сдерживание коммунизма в этот период превратилось в соревнование с Советским Союзом за то, какую политическую ориентацию изберут освобождавшиеся от колониальных уз страны Азии и Африки. Сфера влияния коммунизма постепенно росла, хотя для многих лидеров национально-

освободительной борьбы выбор Москвы в качестве основного партнера диктовался скорее геополитическими соображениями, чем популярностью идей Маркса и Ленина.

Осенью 1962 года холодная война прошла через свой самый острый кризис, разразившийся из-за размещения советских ракет на Кубе в ответ на создание американских ракетных баз в Турции. Две сверхдержавы вплотную подошли к третьей мировой войне, и это стало поводом для переоценки смысла и содержания соперничества. Уже весной 1963 года президент Джон Кеннеди выступил в Американском университете в Вашингтоне с речью, открывающей пути к новому формату сосуществования СССР и США. Несмотря на трагическую гибель президента, в том же году был достигнут прорыв в деле ограничения вооружений: страны подписали договор о запрете ядерных испытаний в трех средах.

Широко понимавшееся «сдерживание коммунизма» привело США к полномасштабному участию в войне между Северным и Южным Вьетнамом на стороне антикоммунистического Юга, однако в то же время отношения с СССР приобрели менее конфронтационный характер, и казалось, что холодная война вот-вот будет преодолена усилиями обеих стран, включавшими военно-дипломатические решения и совместное переосмысление мировой ситуации. В Советском Союзе руководители страны сделали постоянным рефреном рассуждение о «мирном сосуществовании государств с различным государственным строем», а сам изобретатель термоядерной бомбы Андрей Сахаров написал в 1968 году эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в котором предположил грядущую конвергенцию двух систем. В США страх перед третьей мировой войной рос вместе с масштабами всемирного противостояния, но вьетнамская война привела к мощным антивоенным протестам и стала одним из факторов поиска более стабильного мира.

Именно поэтому Ричард Никсон сделал одной из задач своего президентства (с 1969 года) выход США из вьетнамского конфликта.

Разрядка

Новые лидеры в Кремле (Леонид Брежнев с 1964 года) и в Белом доме (Никсон с 1969-го) запустили процесс ограничения гонки вооружений и расширения сотрудничества в области науки, культуры и даже исследований космоса, получивший название разрядки международной напряженности, или просто разрядки. Скорость развития событий ошеломляла современников. В 1969 году начались переговоры об ограничении стратегических вооружений, в 1971-м было подписано соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, в 1972-м открыты консульства в Ленинграде и Сиэтле, а в мае 1972 года президент США впервые посетил Советский Союз. В ходе первой встречи Никсона и Брежнева был заключен договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), целый ряд соглашений о сотрудничестве в самых разных областях, от исследований космоса до здравоохранения и охраны окружающей среды. В октябре Брежнев посетил США с ответным визитом и подписал с Никсоном еще несколько соглашений, а в ноябре 1974 года во Владивостоке встретился уже с преемником Никсона президентом Джеральдом Фордом и продолжил серию разоруженческих договоров соглашением об ограничении носителей ядерных зарядов.

Сближение США и СССР позволило сдвинуть с места и процесс послевоенного урегулирования в Европе, от взаимного признания двух германских государств (германо-германский договор 1971 года) до подготовки и подписания в

Хельсинки акта, признающего нерушимость европейских границ (1975).

Кроме того, встречи дали толчок совместной космической программе «Союз — Аполлон», строительству завода «Пепси-колы» в Новороссийске, созданию совместного кинофильма «Синяя птица» и целому ряду инициатив в разных областях жизни.

Кстати, съемки фильма «Синяя птица», в котором приняли участия звезды Голливуда и «Ленфильма» (усиленные лучшими танцорами балета), стали мини-экспериментом взаимного непонимания. Так, два композитора фильма Ирвинг Костал (лауреат «Оскара» за фильм «Звуки музыки», 1965) и Андрей Петров никак не могли согласиться по поводу общего музыкального стиля. «Это какой-то корабль дураков, — жаловался Костал. — Он хочет писать американский джаз, а я — музыку волжских бурлаков». Одна из американских звезд и левая активистка Джейн Фонда ожидала, что будет очень популярна в СССР — как одна из лидеров кампании против войны во Вьетнаме. Однако никто из советских журналистов не захотел слушать ее обвинений в адрес американского правительства во время пресс-конференции после прибытия в СССР. Позднее Фонда попыталась вовлечь в политические дискуссии советских участников съемок, но получила в ответ лишь раздражение. «Никогда не думал, что американка будет цитировать мне Ленина», — сказал ей гневно советский оператор.

В целом казалось, что холодная война завершена, а две страны ждет если не конвергенция, то взаимовыгодное сотрудничество.

Однако этому не суждено было случиться. Подружившийся с Брежневым Никсон вынужден был подать в отставку в 1974 году, а при Джимми Картере, избранном в 1976-м, под откос пошли все достижения разрядки. Обычно это возвращение к холодной войне связывают с советским вторже-

нием в Афганистан, однако к декабрю 1979 года, когда советский спецназ штурмовал дворец Амина в Кабуле, отношения США и СССР уже основательно подмерзли. Видимой причиной этого охлаждения стала проблема нарушения прав человека в Советском Союзе, за что Картер резко критиковал советские власти. В самом деле, к середине 1970-х годов в СССР выросло и оформилось диссидентское движение, борьба с которым стала важной частью деятельности КГБ. Однако, посмотрев в прошлое советско-американских отношений, мы увидим, что американские власти до Картера редко обращали внимание на права человека в Восточном блоке. Даже предвоенные сталинские репрессии воспринимались через лубочный фильм «Миссия в Москву», поставленный по оправдывавшим московские процессы мемуарам посла Джозефа Дэвиса. Американские публицисты и политики критиковали СССР за нарушение религиозной свободы и подавление национальных движений, но тема прав человека возникла только теперь.

Что же изменилось?

Тройной кризис

Дело в том, что в 1974 году США пережили один из самых серьезных кризисов в своей истории. Сначала арабские страны — экспортеры нефти решили наказать США и их союзников за поддержку Израиля в войне Судного дня и отказались поставлять им нефть. В результате за несколько месяцев 1973–1974 годов цена на черное золото поднялась в четыре раза. Это привело к худшему со времен Великой депрессии кризису в США, очередям за бензином и краху заметной части индустриальной экономики страны. 9 августа 1974 года, в разгар энергетического кризиса, но совсем по другому поводу президент США Ричард Никсон был вынужден подать в отставку под угрозой неминуемого импичмента. Наконец, Северный Вьетнам после ухода (в

марте 1973-го) американских войск из Вьетнама установил полный контроль над страной, в апреле 1975 года взял Сайгон; десятилетнее участие в войне, стоившее американцам десятков тысяч жизней, оказалось бессмысленным, США потерпели поражение в войне против небольшой страны далеко за океаном.

В течение нескольких месяцев трем главным опорам американской гордости — самой сильной экономике, самой мощной армии и самой эффективной политической системе — были нанесены тяжелые удары. Америка провалилась в кризис идентичности, характеризовавшийся утратой веры в свою страну и ее особое предназначение, и вывод американцев из этого кризиса стал основной целью нескольких последующих президентов.

Джимми Картер должен был вернуть американцам веру в себя, а для этого надо было обнаружить точку опоры — американское достижение, которое бы позволило восстановить самоуважение и вновь посмотреть на главных соперников свысока. Главным и новым успехом американского общества к середине 1970-х была победа движения за гражданские права: в результате усилий гражданских активистов и федерального правительства на Юге США была ликвидирована система сегрегации, черные американцы получили все права, в которых им было отказано в прошлом. И вот эта победа позволила наконец американцам заняться критикой стран Восточного блока за несоблюдение гражданских прав (в международной тематике эта проблема получила название «права человека»), не опасаясь встречной критики сегрегации.

В своей инаугурационной речи Картер заявил: «Лучший способ помочь свободе в других странах — продемонстрировать, что наша собственная демократическая система достойна быть повторенной». Советник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский обсуждал с президентом публичную защиту прав человека как способ

улучшить образ самих Соединенных Штатов и «заставить Советский Союз идеологически защищаться». Делая упор на правах человека, настаивал Бжезинский, американцы смогут преодолеть охвативший их пессимизм и «добавить исторического оптимизма в наш взгляд на мир». Более того, в 1977 году Бжезинский убеждал Картера, что права человека являются очень привлекательной темой (have a great appeal) и защита прав человека поможет Картеру выглядеть «крутым» (tough).

Картер не сумел восстановить веру американцев в себя; во внешней политике он также собрал полосу неудач — от установления советского контроля над Афганистаном до исламской революции в Иране и захвата в заложники персонала американского посольства в Тегеране. Бойкот Олимпиады в Москве был серьезным символическим жестом, но вряд ли помог решить хоть одну из проблем, стоявших перед Америкой. Восстанавливать веру американцев в себя и восстанавливать отношения с Советским Союзом придется сменившему Картера в Белом доме Рональду Рейгану.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Жизнь без Другого.

Почему в США сильна ностальгия по 1980-м?

Выйти из кризиса самоуважения, вызванного вьетнамской войной, нефтяным кризисом и Уотергейтом, американцы смогли только при президенте Рональде Рейгане. Человек, умевший вселить доверие к себе, обладавший хорошим чувством юмора, новый президент оказался еще и везучим. Его первый срок в Белом доме в январе 1981 года начался на фоне освобождения американских заложников в Иране (благодаря еще дипломатии Картера, но кто же обратит на это внимание, если в одной газете две новости: «Рейган — президент» и «Заложники свободны!»), а второй срок стартовал в 1985 году — как раз когда в Советском Союзе началась перестройка.

Рейган пришел в Белый дом с задачей восстановления американцами доверия к себе. «Вернем Америке величие» — это его лозунг 1980 года (позаимствованный Дональдом Трампом в 2016-м). В самом деле, ужесточение не только политики, но и риторики по отношению к СССР, который Рейган назвал «империей зла» (позаимствовав словосочетание из только что вышедших на экраны «Звездных войн»), было необходимо для переосмысления роли США в мире. Какие бы проблемы ни переживали американцы, они в этом мире — на стороне света, и их миссия — борьба за правое дело.

Прощание с «империей зла»

Однако «мобилизационная идентичность» не может поддерживаться долго. Джек Мэтлок (посол США в СССР в

1987–1991 годах) рассказывал, что президент искал возможности изменить отношения с СССР по меньшей мере с 1983 года. Опросы общественного мнения показывали, что эпоха разрядки первой половины 1970-х воспринималась американцами как «золотой век» в сравнении с тревожным началом 1980-х. Внешнеполитическое напряжение резонировало с ростом внутривнутриполитических расколов, начатых вьетнамской войной и Уотергейтом. Именно тогда Рейган дал задание своим дипломатам продумать шаги, которые могли бы вывести американо-советские отношения из тупика. Обладавший замечательным политическим чутьем президент понимал, что представления американцев о самих себе тесно связаны с присутствием глобального соперника и угрозы. Советский Союз был «конституирующим Другим» для Америки, и исправление американского отношения к самим себе требовало кардинальных изменений в отношениях с традиционным «вероятным противником». Анекдотичным доказательством незримого присутствия Советов в американском дискурсе был тот факт, что на протяжении всего президентства Рейгана мэром Вашингтона оставался бывший активист движения за гражданские права Мэрион Берри, который носил второе имя Шеп — Шепилов, официально взятое им во времена бурной политической молодости в честь редактора газеты «Правда» и советского министра иностранных дел Дмитрия Шепилова (того самого: «и примкнувшего к ним»). Кстати, на XX съезде КПСС Шепилов призывал к насильственному экспорту социализма за пределы СССР).

Начавшаяся перестройка дала Рейгану шанс на новое использование российского фактора. «Нет, СССР больше не империя зла», — сказал он уже через пять лет, и это стало констатацией перелома в американском представлении о Другом — перелома, означавшего и переосмысление американской идентичности. Если СССР больше не империя зла, то и Америка больше не страна джедаев со световыми

мечами — исчезновение острой поляризации в международной политике вело к снижению напряжения и внутри американского общества. Рейган чувствовал возможности, предоставляемые историей, лучше многих политиков, окружавших его.

Решительность Горбачева, которого к прекращению конфронтации подталкивали собственные внутривнутриполитические задачи, отдала ему лавры инициатора прекращения холодной войны, однако именно Рейган остался в памяти американцев победоносным президентом: исчезновение страха перед началом третьей мировой оказало огромное терапевтическое влияние на американское общество.

Неожиданные перемены в Восточной Европе

Первые проблемы, вызванные кардинальными переменами в международной жизни, пришлись на долю уже следующего президента, Джорджа Буша. Прекращение военно-политического противостояния немедленно подтолкнуло общества восточноевропейских стран к попыткам сломать железный занавес. Как ни странно, это стремление вызвало сначала тревогу в американской и западноевропейских элитах.

Бывший советник Джимми Картера Збигнев Бжезинский за 10 дней до падения Берлинской стены доверительно говорил соратнику Горбачева и «архитектору перестройки» Александру Яковлеву, что предпочел бы, чтобы Венгрия и Польша оставались в Варшавском договоре и чтобы Германия не объединялась. Объединение, по его словам, «не соответствует ни вашим, ни нашим интересам»*. Пусть Бжезинский не занимал никаких официальных постов, но и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер 23 сен-

---

* nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB293/doc08.pdf.

тября 1989 года уверяла Горбачева в телефонном разговоре, что она «не заинтересована в дестабилизации Восточной Европы и роспуске Варшавского договора»*. Запад «не собирается вмешиваться или подстегивать декоммунизацию Восточной Европы», причем «такой же позиции придерживается президент США», который «просил передать, что Соединенные Штаты не предпримут ничего, что могло бы угрожать интересам безопасности Советского Союза или что может быть воспринято советским обществом как угроза». Наконец, когда стена рухнула, даже журналисты обратили внимание, что Буш, объявивший об этом на пресс-конференции, не выглядит обрадованным. «Я просто незэмоциональный парень» (I am not an emotional kind of guy), — ответил президент**.

Восприятие перемен в самой Восточной Европе отличалось от взгляда из США. Местные элиты возлагали огромные надежды на Америку, приписывая ей не только стремление разрушить ненавистный советский блок, но и видя в США воплощение своих социальных и политических идеалов и ожидая скорой помощи в преодолении социалистического наследия. Сами же Соединенные Штаты приветствовали демократизацию, когда она становилась успехом в противостоянии с коммунистическим Советским Союзом, но в целом стабильность международной системы стояла выше в государственных приоритетах заокеанской республики.

В ходе холодной войны, конечно же, идеализированное представление восточноевропейцев о США использовалось в пропаганде, транслируемой на страны советского блока. Распространенное представление, будто Вашингтон всегда побуждал народы Восточной Европы к побегу из социали-

---

* nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB490/docs/1989-09-23 Conversation between Mikhail Gorbachev and Margaret Thatcher.pdf.

** nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB490/docs/Bush_press_conference_11_9_89.pdf.

стического лагеря, было сочетанием собственных проекций восточноевропейских реформаторов и пропаганды холодной войны. За сорок лет эта пропаганда окаменела в повторах — но вдруг оказалось, что западные элиты не готовы к поражению противника. Одно дело делать дырки в плетине, заставляя противника тратить ресурсы на ее латание, другое — оказаться перед разрушенной дамбой. Тем более что прошло всего два года — и к оторвавшейся от СССР Восточной (теперь «Центральной») Европе добавились республики самого распавшегося Советского Союза.

Триумфализм и ответственность

Президент Буш немедленно объявил этот распад «победой США в холодной войне»: до выборов президента оставалось меньше года и ему важно было выглядеть победителем. Посол Рейгана в Москве Джек Мэтлок и сейчас не устает повторять, что «на самом деле» холодная война закончилась гораздо раньше и по воле руководителей обеих стран, а СССР распался по внутренним причинам, но для тогдашнего поколения американских политиков выгоднее казалось увязать два события и выстроить на этой увязке новый политический дискурс, получивший позднее название триумфализма.

Триумфализм означал победу США и наступление эпохи их доминирования — специалисты по международным отношениям немедленно выковали слово «униполярность», а философ и дипломат Фрэнсис Фукуяма поспешил объявить о наступлении «конца истории»: с распадом коммунистического блока, а потом и Советского Союза либеральная демократия, казалось, осталась единственной моделью, которую с того момента могли воспроизводить другие страны. (Кстати, в 1991 году и Мэриона Берри посадили в тюрьму за употребление наркотиков, так что он оставил пост мэра американской столицы.)

Однако на самом деле конец 1980-х — начало 1990-х годов поставили перед американской элитой вопросы, напомнимшие конец 1940-х: сфера ответственности США в одночасье чрезвычайно расширилась. Безопасность и благополучие вчерашних советских «сателлитов» стали заботой Вашингтона. Не случайно первым же опасением стала возможность расползания из этого региона оружия массового поражения — инструментами контроля над бывшим вторым миром США в этот период не обладали. Именно это желание включить регион в привычные «контуры контроля», по всей видимости, двигало президента Клинтона в направлении расширения НАТО, а европейцев — к включению восточных соседей в свои интеграционные проекты.

Россияне с распадом СССР вступили в собственный период кризиса идентичности — нам пришлось искать совершенно новый ответ на вопрос кто мы такие. И, как бывает в такие периоды, вчерашний противник и «конституирующий Другой» мог обратиться в друга и союзника: момент поиска новой самоидентификации породил в России начала 1990-х небывалую американофилию. Однако тут «циклы» не совпали: американцы вышли из кризиса как раз в то время, когда россияне столкнулись с собственным. Встречного движения и совместной переработки взаимных образов не случилось, и вскоре оба общества вернулись к подозрительности по отношению друг к другу, усиленной теперь разочарованием от несбывшегося.

Ностальгия по 1980-м

Роль «единственной сверхдержавы», на которую обрекло США исчезновение главной угрозы в виде СССР, как оказалось, не только принесла Америке выгоды в виде новых рынков и снижения страхов, но и уменьшила (а не увеличила, как ожидалось) способность США определять международную повестку дня. Для многих стран «дисциплинирую-

щую» роль играл именно американский ядерный зонтик, защищавший от угрозы (реальной или пропагандистски раздутой) со стороны Советского Союза. Страны Западной Европы отныне не имели резона координировать свою политику с американской, и в стане вчерашних союзников начался период конфликтов. В 1990-е главными союзниками США в Европе стали бывшие страны Восточного блока, которые в Вашингтоне стали называть новой Европой в противоположность критически настроенной по отношению к Америке Европе старой.

Прекращение холодной войны, как оказалось, ослабило и волю федерального правительства США к внутренним улучшениям: соревнование с Восточным блоком уже «выиграно» — зачем пытаться выглядеть лучше? Успехи американского общества в направлении внутренних реформ за тридцать последних лет выглядят куда скромнее предшествующего равного по длительности периода.

Кроме того, исчезновение Другого принесло и ослабление внутренних ограничений. Мэрион Шепилов Берри вышел из тюрьмы и в 1995 году вернулся на пост мэра Вашингтона. Федеральное правительство утратило интерес к поддержке гражданских прав. Слово «социализм» перестало быть ругательным, а в самих США сегодня видные политики (а не радикалы и маргиналы) спокойно обсуждают преимущества европейской или канадской моделей. Это исторически новое явление — американцы ставят под вопрос само лидерство Америки в мире.

В этих условиях приход Трампа в 2016 году выглядел вспышкой ностальгии американского избирателя по 1980-м: Рейган в Белом доме, Советы уже не грозят войной, а американское влияние в «своей половине мира» не подвергается сомнению. Словом, по эпохе, когда Америка одновременно была лидером свободного мира, но делила ответственность со второй сверхдержавой, еще соревновалась с советским Другим, но уже не боялась его.

РОССИЯ И США,
или Настоящий конфликт
и перспективы его завершения

Почему Россия ругает Америку, но хочет ею стать

На днях Владимир Путин в очередной раз пообещал, что российское руководство будет действовать по образу и подобию Соединенных Штатов. «США взяли и вышли из Договора об ограничении наступательных вооружений — и дело с концом. Они исходили, как они считают, из соображений национальной безопасности. И мы будем делать точно то же самое, когда посчитаем выгодным и нужным для обеспечения наших интересов». По всей видимости, Путин имел в виду все-таки не ОСВ или СНВ, а договор о противоракетной обороне (ПРО), из которого США вышли в конце 2001 года. Но интересно другое.

Стремление сверять свои шаги с американским образцом очень показательно. Это в России вообще давняя традиция, позволяющая говорить о Соединенных Штатах как о «конституирующем Другом» России. И Владимир Путин эту традицию очень даже поддерживает. Заходит речь о Южной Осетии, Абхазии или теперь Крыме — «посмотрите, что сделали США и их союзники в Косово». Принимается закон об «иностранных агентах» — его авторы говорят, что «это же копия американского ФАРА». Но путинский вариант ориентации на Америку сильно отличается от подходов его предшественников.

Декабрист Никита Муравьев использовал американскую конституцию как образец для своего конституционного проекта. Отправивший Муравьева на каторгу Николай I приглашал американских инженеров строить железную

дорогу и телеграф. Большевики 1920-х мечтали достичь американской эффективности в экономике, а Никита Хрущев в 1960-е надеялся Америку «догнать и перегнать». Наконец, Борис Ельцин в 1990-е приглашал американских советников при планировании институциональных реформ.

В большинстве этих случаев сравнение с США и прямая опора на их опыт были способом улучшить государственное устройство или экономику России. Американский образец был тесно связан с модернизационной повесткой дня. И даже в годы холодной войны советские лидеры не говорили о том, что СССР должен ориентироваться на американские образцы в своей внешней политике. Оно и понятно: Советский Союз на мировой арене поддерживал революционные и национально-освободительные движения, Соединенные Штаты же стремились сдержать экспансию советского влияния и выступали консервативной силой в международных отношениях. Сравнение Афганистана с Вьетнамом на последней стадии существования СССР звучало только из уст критиков советского режима; невозможно себе представить его в речах Брежнева или Андропова.

Да и в период президентства Дмитрия Медведева, казалось, верх взяло традиционное отношение российских руководителей к Америке: надежда на технологический рывок при помощи Соединенных Штатов. Медведев посетил Кремниевую долину, пытался привлечь американских ученых к созданию в России своей «долины» и современных наукоемких производств.

Все это оказалось забыто с возвращением в Кремль Владимира Путина. Из повестки дня вымыло модернизацию, речь теперь идет о геополитике, и именно в этом смысле путинская Россия хотела бы сравняться с Соединенными Штатами. Поразительно, что неустанно критикуя внешнюю политику США (особенно начиная с «мюнхенской речи» 2007 года), Путин постоянно вспоминает действия американцев для обоснования собственных внешнеполитических

шагов. И напротив, несмотря на все разговоры о повороте к Востоку и сближении с Китаем, в деятельности Кремля не заметно никакого стремления воспроизвести во внешней политике «китайские» подходы.

После холодной войны Россия и США, можно сказать, поменялись местами. В постсоветские десятилетия именно Россия позиционировала себя на международной арене как консервативная сила, защитница «легитимных» (в современном понимании) режимов, суверенитета, старых международных организаций и процедур. А Соединенные Штаты теперь поддерживали революционеров (например, в ходе «цветных» революций и «арабской весны») и показательно игнорировали процедуры, противоречившие их непосредственным интересам. Так, при принятии решения о бомбардировках Югославии в 1999 году администрация Билла Клинтона проигнорировала мнение ООН, а в 2003 году при вторжении в Ирак администрация Джорджа Буша-младшего не оглянулась даже на возражения соратников по НАТО.

И хотя события 2014 года часто интерпретируют как попытку России изменить международные правила игры, постоянные отсылки в речах Путина к образцам внешней политики США говорят о другом: правила могут остаться прежними, просто Россия должна получить право на их нарушение. В этом можно увидеть и перенос во внешнюю политику знаменитого «друзьям — все, врагам — закон». Похоже, что российскому руководству Соединенные Штаты представляются лидером сообщества, организованного именно по этому принципу, и Россия хотела бы, оставаясь в этом сообществе, попасть в число тех, для кого международный закон не писан. Если эта попытка реконструкции верна, значит, внешнеполитические приоритеты Кремля меняются вовсе не так кардинально, как могло показаться нынешней весной.

Хорошая новость для российских западников: для Путина, как и для многих его предшественников, Америка

остается идеалом, который он бы хотел повторить в России. Плохая новость в том, что российский президент видит этот идеал не в современной высокотехнологичной экономике или развитых институтах, а в возможности применять грубую силу и роли мирового жандарма.

*Надо ли вводить санкции
против Хемингуэя и Толстого?*

Один из острых периодов холодной войны закончился подписанием в январе 1958 года советско-американского соглашения Лэйси-Зарубина («Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях»). Вскоре после этого молодой пианист Ван Клиберн победил в Московском международном конкурсе им. Чайковского, а ансамбль Игоря Моисеева и балет Большого театра произвели впечатление на американских зрителей. В 1973 году, в период разрядки, первые американские и советские ученые смогли вести исследовательские проекты в другой стране при поддержке программы Фулбрайта.

С начала перестройки и в годы реформ начались активные визиты простых граждан, студенческие и школьные обмены. В этот период Соединенные Штаты и американские благотворители вкладывали в построение инфраструктуры этих обменов заметно больше, чем Россия, переживавшая тяжелый экономический кризис. Но эти обмены были полезны для обеих стран: российские ученые смогли продолжать свои исследования в условиях резкого снижения финансирования, не уезжая из страны и не уходя в бизнес или государственные структуры; граждане обоих государств приобретали опыт общения друг с другом.

Вся эта инфраструктура научного, культурного и образовательного сотрудничества разрушается на наших глазах, причем демонтаж институтов идет с обеих сторон. Зимой 2014

года — еще до обострения двусторонних отношений в связи с украинским кризисом — в США сократилось бюджетное и частное финансирование программ исследования и сотрудничества с Россией. В результате весной в Москве был закрыт офис Института Кеннана, летом прекратилась публикация журнала *Pro et Contra*, издававшегося Московским центром Карнеги. Российское же руководство с 1 октября прекратило деятельность программы FLEX («Будущие лидеры»), позволявшей школьникам в течение года жить в американской семье и учиться в американской школе.

Причины для каждого конкретного закрытия называются разные, но очевидно, что каждая из них решаема в рамках обычного дипломатического диалога и не требует прекращения долговременных программ. Почему же все происходит таким резким образом? Некоторые специалисты говорят о «возвращении государства» как основного, если не единственного действующего лица в международной политике. Государства показывают, «кто здесь главный», и сознательно рвут трансграничные связи; «космополитичный» характер современной науки и культуры противоречит задачам мобилизации. Состояние, приближающееся к холодной войне в отношениях между государствами, кажется, видимо, несовместимым с продолжением культурного и гражданского сотрудничества.

Сторонники теорий заговора видят в финансировании образовательных поездок чей-то злой умысел — заговор. Можно, однако, задаться вопросом: почему тогда всю эту инфраструктуру личных контактов, знакомств, научного сотрудничества, образовательных поездок российское правительство почти не поддерживало и в нулевые годы, когда деньги на это в бюджете нашлись бы? Ведь личные контакты россиян и американцев способны развеять страшные мифы о России лучше, чем все старания канала *Russia Today*, а научное сотрудничество приводит к чаемому нашим руководством подъему российской науки и ее пре-

стижа в мире. И в конце концов, если побывавших в США можно подозревать в симпатиях к этой стране, то почему было не вложить деньги в организацию встречного потока американцев в Россию?

Сегодня эти вопросы, очевидно, уже устарели: вместо расширения связей Россия и США встали на дорогу их свертывания. Не хочу подсказывать, но за закрытием всех программ российско-американского сотрудничества, созданных в 1990-е годы, вероятно, должны последовать программы времен разрядки, разрыв соглашения 1958 года. А там уже недалеко и до символического демонтажа горячей линии между Белым домом и Кремлем.

Если же, однако, исходить из того, что никто — ни в Москве, ни в Вашингтоне — не планирует и не хочет начала войны между Россией и Соединенными Штатами, то в условиях ужесточения риторики, разворачивания экономических санкций и дипломатических боев на трибунах международных организаций задачей двух обществ должно стать именно укрепление, а не разрушение контактов на неполитическом уровне. «Санкции» в этой области неуместны, поскольку в сфере гражданского, культурного и научно-образовательного взаимодействия учет «выгод» и «потерь» устроен совсем по-другому: вы можете себе представить запрет чтения в России Эрнеста Хемингуэя и Марка Твена (или, в ответ, запрет на Толстого и Чехова в США)? А ведь закрытие программ обмена ближе именно к этому абсурдному запрету, а не к прекращению импорта окорочков или поставок микрочипов.

Именно эти образовательные и культурные контакты «привязывают» нас друг к другу и создают задел для будущего восстановления отношений. Это хорошо понимали политики времен холодной войны. Стоит задуматься и нашему поколению.

Умиротворение Леванта. Война в Сирии как большая манипуляция

Историкам давно известно, что исторические аналогии всегда хромают и ничему не могут научить. И все же они помогают взглянуть на сегодняшние события с временной дистанции — не из будущего, а из прошлого.

Много лет я изучал международные отношения второй трети позапрошлого века и вот сегодня не могу отделаться от ощущения, что мы проваливаемся в тот давно ушедший от нас мир. В той системе координат все становится понятно и легко объяснимо.

Что, например, делает российская авиация в Сирии? На что это похоже? Нет, это не Афганистан 1980-х или Вьетнам 1960–1970-х, где СССР или США воевали со значительной частью местного населения, которому обеспечивала поддержку другая сторона в холодной войне.

И это не война с талибами, в которой Россия участвовала лишь косвенно, предоставляя коридор для снабжения американских войск. Не похоже это и на события в Югославии, хотя переброски вооруженных сил под носом у НАТО внешне и похожи на «бросок на Приштину».

Теперь обострились отношения в одной из самых «традиционных» зон международного конфликта, в Восточном Средиземноморье, где спокойствие не наступает со времен Крестовых походов.

Последний раз российские войска направлялись в этот регион в рамках Босфорской экспедиции 1833 года, когда

наступление войск египетского правителя Мехмеда Али стало угрожать власти османского султана Махмуда II и Россия пришла на помощь «легитимному правителю». Двадцать военных кораблей и десять тысяч российских солдат были отправлены на Босфор для того, чтобы преградить путь египетским войскам Ибрагима-паши. В результате Россия заключила один из самых успешных договоров в истории российской дипломатии — Ункяр-Искелесийский. Вспоминается также, что продвижение российских войск в регион последовало за серией успешных войн против Турции, в ходе которых среди прочих территорий Россия приобрела Крым.

Одновременно российский министр иностранных дел Сергей Лавров выступил на днях совершенно в духе Священного союза, заявив о необходимости принять декларацию о том, что «страны, в которых переход власти осуществлен не конституционным путем, а путем государственного переворота, не могут быть нормальными членами международного сообщества — такие способы смены власти неприемлемы». Ну в самом деле, принцип «легитимизма» и поддержания (если потребуется, с помощью интервенции) власти несменяемых правителей был последний раз громко заявлен на Венском конгрессе 1815 года.

Беда в том, что та система координат давно ушла в прошлое.

Да, действительно, в тот же самый период, когда русская армия стояла на Босфоре, американцы «осваивали» Техас методами, которые в 2014 году будут использовать донбасские «добровольцы». Но невозможно представить себе, что методы и цели внешней политики двухвековой давности в самом деле извлечены из учебников истории, чтобы лечь в основу новой внешнеполитической доктрины России.

Рискну утверждать, что ничего подобного и не происходит, а в руках у российских дипломатов не учебники времен

Меттерниха и Нессельроде, а современные пособия по пиару и книги о социальном конструктивизме.

С самого начала президентства Владимира Путина было очевидно, что он мастер символической политики: цена нефти росла, об экономической политике можно было не беспокоиться, важнейшие институциональные решения были приняты еще в 1990-х, и в нулевых власть сосредоточила основные усилия на выстраивании верной картины мира. Государство устанавливало контроль над медиасферой и одновременно навязывало обществу собственную повестку дня. И то и другое, как выяснилось, эффективный способ властвования. Правда, для успеха потребовалось также устранить влиятельные альтернативные силы, способные выстраивать собственную повестку, но и тут все сложилось как нельзя лучше для режима.

То, что происходит в последнее время на международной арене, ставит в тупик экспертов. Однако, если взглянуть на события как на сюжет символической политики, многое представляется очевидным.

Отправной точкой для смены символической политики стал 2012 год, когда режим извлекал уроки из протестной зимы. К тому моменту он потерял монополию на создание повестки дня, а его символическая вселенная подвергалась осмеянию и дружной критике.

Первой задачей стало преодоление единства протестного движения, раскол общества, а также ретуширование клейма «партии жуликов и воров» (это был, наверное, самый удачный оппозиционный проект по смене символической политики). Для этого в центр дискуссии были поставлены церковь, гомосексуалы, запрет на усыновление детей в США. Инструментальность каждой из этих тем становится очевидна, если оглянуться вокруг сегодня, осенью 2015 года: где сейчас эти темы, кто продолжает следить за ними?

Вторым ходом власть перенесла повестку дня и врага вовне — тут очень кстати пришелся украинский кризис.

Идея «маленькой победоносной войны» традиционно приятельна для правителей, под которыми качается кресло. Первоначальный подъем и «патриотический восторг» подтвердили эффективность этого решения с точки зрения изоляции внутренней оппозиции. Промежуточные результаты, однако, не столь однозначны: Крым аннексирован, однако международные санкции заставили население и режим почувствовать себя неуютно; а Донбасс превратился для российской власти в «чемодан без ручки», который трудно тащить и нельзя бросить.

И тогда Кремль делает третий ход: переносит внимание с Украины на Сирию. Осенью 2015 года российское государство в глазах мирового сообщества ассоциируется уже не с конфликтом в соседней Украине, а с действиями международной коалиции в Восточном Средиземноморье. Повестка дня снова перевернута, недоигранная «украинская» партия остывает на доске в углу, а на суд общественности вынесен новый, спорный шаг России на международной арене, но уже не вызывающий единодушного осуждения в мировом сообществе.

И если смотреть на текущие события в такой перспективе, то становится ясно, что собственно международно-политические соображения становятся для власти второстепенными по сравнению с задачей удержаться в кресле путем манипулирования символической политикой. Кресло, однако, давно уже превратилось в седло на спине тигра: режим пока что успешно скачет на нем, однако ставки растут, а каждый следующий прыжок оказывается все опаснее.

Сирийский конфликт глобализован гораздо более украинского; если «американцы» на Украине были скорее мифологическими созданиями, то в Сирии они реально присутствуют — и политически, и как военная сила. Если про Украину западным экспертам надо было долго рассказывать своим слушателям и читателям, то Сирия и окружающие ее

территории всегда были в поле зрения Запада и расстановка сил там рядовому образованному европейцу или американцу понятна гораздо лучше.

С другой стороны, есть риск противопоставить свою страну огромному суннитскому миру, который без восторга отнесся к бомбардировкам российской авиации. Все эти риски, очевидно, не могли быть просчитаны и не имели веса в сравнении с гипотетическим выигрышем в скачках на тигре. Временной горизонт таких скачек заведомо более узок, чем реализация долговременных рисков на глобальной арене.

В конце концов, и модель внешней политики второй трети XIX века уже не была так удачна для России. Ункяр-Искелесийский договор просуществовал только до 1841 года, когда Британия отправила к Леванту свой новый — парусный — военный флот, и Россия была вынуждена подписать новые соглашения о проливах, начав свой путь к бесславному поражению в Крымской войне 1853–1856 годов. «Мрачное семилетие», наступившее во внутренней политике после революций в Европе 1848–1849 годов, когда страх перед освободительным движением побудил царизм к закручиванию гаек, этим поражением и закончилось.

Как новая холодная война выходит из-под контроля

Требование в два дня закрыть российское консульство в Сан-Франциско, работавшее со времен разрядки (а до того — с середины позапрошлого века) — это ответ на требование Москвы уволить несколько сотен человек дипломатического персонала, которое было ответом на принятые конгрессом санкции и на высылку дипломатов, которые были ответом на вмешательство в американские выборы, которое было ответом на антироссийские санкции, которые были ответом на российское вмешательство на востоке Украины, которое было ответом на американскую помощь Майдану, которая последовала за предоставлением убежища Сноудену и «законом Димы Яковлева», которые были ответом на «акт Магнитского»... Одно цепляется за другое, пока не начинает сбивать память. Перечень не закончен, его можно продолжить и в прошлое, и, увы, в будущее.

Опасная игра

Логика ответа на недружественные действия понятна. Непонятна конечная точка, цель этой спирали. Разрыв дипломатических отношений между двумя ядерными державами, постоянными членами СБ ООН, выглядит невозможным только для тех, кто изучал уроки Карибского кризиса. Однако нынешнее поколение политиков уже не помнит той прививки. Но неужели надо снова загнать население в бом-

боубежища, чтобы остановить опасную игру? А если на этот раз не успеем?

Смысл каждого из этих действий также не до конца понятен. Если санкции можно истолковать как стимул изменить политику (правда, успешных примеров использования санкций против крупной державы мир не упомнит), то свертывание дипломатической инфраструктуры бьет по обеим странам и особенно затрудняет взаимодействие на неполитическом уровне — культурные и образовательные обмены, личные контакты, путешествия. Именно на них имело бы смысл делать ставку, если межгосударственные отношения зашли в тупик. Выход из состояния холодной войны начался с подписания в 1958 году советско-американского соглашения Лэйси — Зарубина, открывшего возможность для культурного обмена между двумя странами. Сейчас, кажется, двусторонние отношения скатываются к модели, существовавшей до этого соглашения.

Вопрос «Кто виноват?» не то чтобы совсем не имел смысла (я знаю множество людей, считающих, что у истоков резкого похолодания в российско-американских отношениях стояла Россия, и многих, уверенных в виновности США) — у санкций были конкретные причины, а Кремль и не скрывает, что сделал резкие шаги, пытаясь изменить направление международного развития, которое, по его мнению, складывалось не в его пользу. Однако не очень понятно, что дает нам знание ответа на этот вопрос. Убедить людей, которые принимают решения в Белом доме или Кремле, в их неправоте вряд ли возможно. Между сторонами нет даже согласия, о чем идет спор — о ценностях или о силе.

СМИ напоминают, что предыдущая массовая взаимная высылка дипломатов состоялась в 1986 году, на излете «второго издания холодной войны» и накануне перестройки.

Удобный враг

Однако нынешняя риторическая война напоминает ситуацию не 1980-х и даже не 1950-х, а 1930-х годов, когда США обвиняли СССР во вмешательстве в свои внутренние дела. И в самом деле, в Америке вовсю действовал Коминтерн, который советское руководство объявляло независимой международной организацией, а американцы понимали, что он финансируется и управляется из Кремля. Кстати, с тем временем можно провести и другую параллель: американские правые были уверены, что в Госдепе времен Рузвельта засели советские агенты. Громким делом конца 1940-х стало обвинение видного сотрудника Государственного департамента Элджера Хисса в шпионаже (очевидно, в пользу СССР), которым он, по версии обвинения, занимался в 1930-е. Дело Хисса привело к краху рузвельтовских демократов и к карьерному взлету молодого сенатора из Калифорнии Ричарда Никсона.

Этот эпизод начала холодной войны совпал по времени с ростом антисоветской пропаганды в США и антиамериканской пропаганды в Советском Союзе. Пропаганда не могла не отразиться и на дипломатических обменах: в 1952 году посол США в Москве Джордж Кеннан был объявлен персоной нон грата — уникальный случай в истории отношений двух стран. Поводом к этому решению послужило интервью, в котором Кеннан посетовал на враждебность и слежку, окружавшую жизнь американских дипломатов в СССР, и сравнил эту атмосферу с положением американцев в Берлине в начале Второй мировой войны.

Важно отметить, что внешняя политика и тогда использовалась для сведения внутривнутриполитических счетов: атака на Хисса привела к уходу с политической сцены левого крыла Демократической партии США, а совет-

ская угроза, насколько бы реальной она ни была, явилась только поводом для этой перегруппировки. В Советском Союзе антиамериканизм шел в комплекте с борьбой с «космополитами» и закрывал дорогу к реформам общества.

Формула сосуществования

Однако, пытаясь найти в сегодняшних новостях отзвуки ситуаций прошлого, мы легко можем разглядеть там и поводы для исторического оптимизма. Похолодание и дипломатические войны рано или поздно сменялись сближением и сотрудничеством. Вывод за скобки тех сфер, в которых стороны непримиримы, позволил в начале 1970-х предложить формулу «мирного сосуществования государств с различным общественным строем» и начать политическое сближение. В изменившейся ситуации по-другому себя вели те же самые политики. Тот же Никсон через двадцать лет после разоблачений Хисса стал одним из «архитекторов разрядки», а советские «ястребы» сели за стол переговоров с американскими партнерами.

Рассматривая российско-американские отношения в контексте внутренней политики двух стран, мы увидим, что в сегодняшней России обострение отношений с США выгодно «партии закручивания гаек». Однако за последние пять лет этот сюжет уже был отыгран, и не факт, что он хорошо ложится в повестку предвыборного года. До сих пор сохраняется впечатление, что Кремль надеется на сотрудничество с Трампом. В США очевидными сторонниками конфронтации остаются его противники, и там этот сюжет, похоже, обречен тлеть до конца трамповского президентства. Досадно, что Россия и США снова оказались в противофазе с точки зрения внутренней готовности к сближению, но это не должно отменять взгляда на рос-

сийско-американские отношения как на самостоятельную ценность. С этой точки зрения важно видеть, что эти отношения не сводятся к дипломатии, и не создавать препятствий для контактов гражданского общества, которые способны сохранить элементы доверия. Эти элементы будут очень востребованы на следующем этапе. Хочется надеяться, что его осталось ждать недолго.

Смысл и корни российского антиамериканизма

Встреча президента США Дональда Трампа с президентом России Владимиром Путиным пройдет на фоне чрезвычайно обострившихся отношений между двумя странами, ознаменовавшихся введением конгрессом США санкций против России, высылкой дипломатов и закрытием консульств, а также весьма высоким уровнем пропагандистского накала со взаимными обвинениями в медиа обоих государств. За несколько дней до встречи США предъявили обвинения во вмешательстве в американские президентские выборы 2016 года двенадцати сотрудникам ГРУ.

Чтобы понять, ждать ли от этой встречи прорыва, надо вникнуть в причины и предпосылки ухудшения российско-американских отношений в последние несколько лет. Вопреки напрашивающемуся ответу российская (или американская — для зрителей российского телевидения) политика по отношению к Украине не была главным спусковым крючком кризиса в отношениях, как и российское вмешательство в американские выборы (для читателей американских газет) не было причиной ухудшения этих отношений, хотя все эти события и их интерпретация легли в долгий ряд взаимных упреков и обид.

Внешнему наблюдателю сам кризис может показаться странным: в отличие от периода холодной войны страны не ведут изнуряющей конкуренции за политическое влияние во всех регионах мира, их экономические интересы мало пересекаются, а уровень стратегического ракетно-ядерного противостояния усилиями предыдущего поколения полити-

ков заметно снизился. Однако в общественно-политическом дискурсе США Россия в последние два года вновь заняла центральное место, а в России Америка, никогда не пропадая из выступлений политиков и общественных дискуссий, снова стала восприниматься как главная угроза внутренней стабильности и внешнеполитическим интересам.

Объяснение кроется в том, что на протяжении многих десятилетий Россия и США играют друг для друга роль «конституирующего Другого», той страны, сравнение с которой формирует представление о самом себе. Этот социокультурный механизм заставляет видеть в другом противоположность себе, приписывать ему те черты, от которых стремишься избавиться в собственном обществе. Описание другого есть одновременно описание самого себя: описывая Россию как авторитарную страну, американцы тем самым утверждались в собственной демократичности, а, рисуя жителей США как сосредоточенных только на зарабатывании денег, русские подтверждали собственное превосходство в духовности.

Именно поэтому споры о России в США и споры об Америке в России всегда обостряются в период внутренних кризисов — будь то кризисы политические, экономические или кризисы общественного сознания, принимающие форму культурных войн (последние еще называют кризисами идентичности). Именно кризис идентичности разгорелся в США с избранием президентом Трампа, и именно он объясняет такое интенсивное использование России во внутриполитическом американском конфликте.

В российской и советской истории были периоды хорошего отношения к США. Они приходились либо на время больших войн, в которых страны всегда выступали как союзники, либо на времена экономических реформ, когда российское руководство видело в Америке источник технических инноваций и повышения производительности труда. Так случалось во времена строительства железных дорог Николаем I, индустриализации 1930-х, реформ Никиты

Хрущева, «ускорения и перестройки» Михаила Горбачева, экономических реформ начала 1990-х и, наконец, «модернизации» Дмитрия Медведева.

Напротив, каждый раз, когда в России торжествует реакция или контрреформы, когда государственная власть от модернизационных устремлений поворачивается к задачам сохранения стабильности, Соединенные Штаты оказываются угрозой. В такие периоды пропаганда стремится маргинализировать внутреннюю оппозицию, привязывая ее к «подрывному влиянию» Соединенных Штатов и рисуя сами США как темную враждебную силу. Часто этот период приходится на окончание правления того или иного руководителя страны. Отношения с США портились в последние годы правления Николая II, в последние годы сталинской эпохи и при позднем Брежневле. Похожие изменения мы наблюдаем и сегодня: из государственных программ пропали реформы и модернизация, а во внешней политике США вновь стали угрозой.

Отношение к США менялось особенно резко в критические моменты внутривластной истории нашей страны. Знаменитая «мюнхенская речь» Путина 2007 года была произнесена в начале последнего года его второго президентского срока и ознаменовала поиск новых оснований для сохранения власти после окончания конституционных ограничений. Новое резкое усиление антиамериканизма в пропаганде пришлось на протестную зиму 2011–2012 годов, подвергнувшую сомнению легитимность власти.

Эта цикличность «официального отношения», транслируемого пропагандой, — первая составляющая российского антиамериканизма.

Посмотрим теперь на массовые представления россиян о США. Особенностью советского периода было сосуществование двух образов Америки: страны — «вероятного противника», в военной терминологии, и страны, в которой осуществлены мечты, невозможные в СССР. Реформаторы, революционеры, диссиденты, контркультурная молодежь

приписывали Соединенным Штатам все то, что считали идеалом для себя. Недоступные США становились вариантом утопии, страны, в которой осуществились мечты. Анархисты описывали Америку как страну с минимальным государством, технократы — как общество инженеров, а жаждущие свободы — как страну победившего либертарианства. Это тем легче было сделать, что прямые контакты были ограничены, очень немногие люди путешествовали в обоих направлениях. Момент «открытия Америки» оказался для многих разочарованием — она оказалась не той Америкой, о которой мечталось. Из этого разочарования вырос свой вариант критического взгляда на США, причем его носителями стала заметная часть интеллектуалов, ранее возлагавших на Америку большие надежды. Отсутствие ожидавшегося многими россиянами «плана Маршалла» для России и весь американский «триумфализм» в 1990-е были восприняты особенно болезненно.

Эта вторая составляющая современного антиамериканизма была похожа на антиамериканизм, появившийся в Западной Европе после Второй мировой войны. США пришли в Европу как держава со своими военными базами, своим бизнесом и своей культурой, превратившись из утопии в реальную страну, этой утопии не соответствовавшую.

Нынешнее российское руководство спровоцировало собственные культурные войны в 2012 году: неожиданный поворот руководства страны к «традиционным ценностям» развязал общественные конфликты вокруг положения женщин и ЛГБТ-сообщества, роли церкви и современного искусства, либерального образования и взгляда на собственную историю. В этот ряд вписывается и отношение к США как воплощению всего противоположного этим традиционным ценностям. Угроза, исходящая от США, сейчас рисуется не столько военной, сколько культурной; не зря в последние годы словосочетание «мягкая сила» со страниц научных трактатов перекочевало в речи российских политиков.

Неудивительно, что культурные войны, бушующие в двух странах, отрицательно влияют на состояние российско-американских отношений, сковывая возможности совместного решения проблем. Однако собственно содержательные противоречия в этих отношениях носят вторичный характер. Как бы ни были велики расхождения двух стран по поводу Украины или Сирии, они не идут в сравнение с кризисами времен холодной войны, которые получалось преодолеть предыдущему поколению политиков. Напротив, период внутренних культурных войн благоприятен для изменения представлений о другом (которые, в свою очередь, могут повлиять на выбор той или иной политики по отношению к нему).

Трамп не случайно так настойчиво пытается улучшить отношения с Россией; вопреки подозрениям его критиков, я не вижу в этом какой-то личной его зависимости от Кремля. Дело скорее в том, что для американского президента улучшение отношений с главным американским другом станет козырем в его домашних культурных войнах. Трамп заимствовал свой предвыборных лозунг «Вернем Америке величие» у самого популярного республиканского президента последних десятилетий — Рональда Рейгана — и надеется, как его предшественник, перевернуть все выстроенные на десятилетиях вражды культурные стереотипы, совершив прорыв в отношениях с Россией. Его партнер в Кремле, конечно, не Горбачев, однако любой российский руководитель может понять, чем он может помочь Трампу выиграть его внутривнутриполитические битвы и почему такая победа окажется полезной для российско-американских отношений.

Сочувствуя моим американским друзьям — демократам, не берусь оценить, насколько тяжелые последствия принесет победа Трампа для внутреннего развития США. Однако шаги навстречу Соединенным Штатам, сделанные российским руководством, заставят Кремль скорректировать и свою позицию в наших культурных войнах — и это было бы хорошим побочным результатом.

*Мифы о России:
как Запад перестал понимать нас
и чем это грозит*

Главная ошибка западных политиков, видящих в России врага, — представление о том, что наша страна не меняется и никогда не изменится. Но это же представление крайне выгодно и российской власти.

«Доказательство русофобии»

Антизападная, и в частности антиамериканская, истерия в российской пропаганде последних полутора лет — это только одна сторона монеты. Параллельно нарастают не просто критические, но открыто враждебные к России настроения у части западного политического сообщества. Причем это не просто «антикремлевские», а именно анти-российские настроения — враждебной к Западу называется страна в целом.

Например, бывший старший директор по России Совета национальной безопасности США Томас Грэм, весьма влиятельный эксперт, опубликовал недавно в *New York Times* статью, в которой пишет о «неизменности агрессивной политики России» на протяжении 200 лет. А совсем недавно министр обороны США Эштон Картер заявил, что политика России может не измениться ни при Владимире Путине, ни даже после него.

На фоне продления санкций против России эти резкие высказывания политиков и политологов выглядят особенно неприятно для нашей страны. И они немедленно исполь-

зуются российскими СМИ для доказательства извечной русофобии Запада. Сами эти утверждения, конечно, не стоит принимать близко к сердцу: в той же западной прессе по-прежнему слышно множество голосов и другого плана. Но в подъеме антироссийских настроений есть тем не менее долговременная опасность.

Трудности перевода

За актуальным вопросом, как именно будет урегулирован нынешний острый кризис, встает другой вопрос: каким образом Россия будет восстанавливать свои отношения с мировым сообществом после его урегулирования? Ведь жить с опорой исключительно на собственные силы у России явно не получится — на этом пути ждут скорее провалы по типу Северной Кореи. Да и российское руководство заявляет, что у нас с Западом «есть нечто такое, что нас объединяет, заставляет нас совместно работать». Мировому сообществу также лучше, чтобы Россия была интегрирована в него, а не исключена из экономических и политических систем, пронизывающих современный мир.

И с этой точки зрения нарастание антироссийских настроений становится серьезной проблемой, которая будет препятствовать возвращению России в мир на следующем этапе ее развития. Все больше расходится сам язык описания действительности, которым пользуются российские и западные политики и эксперты («аннексия» и «присоединение» — лишь самое известное расхождение в терминах).

Все больше различаются и интерпретации событий. Например, российское руководство, похоже, видит в своих последних действиях торговлю с Западом за лучшие условия реинтеграции в мир (нужно, мол, менять статус-кво, Россия войдет в «новый мировой порядок» только на

выгодных для нее условиях). Окружающий мир видит в присоединении Крыма и попытках дестабилизации Украины скорее отказ Кремля от интеграции и возвращение к традиционной имперской политике. Последствия нынешних дискуссий еще долго будут влиять на отношение к нашей стране и ее политике в мировых столицах, препятствовать восстановлению нормальных отношений России и Запада.

Мифы о России

Дала ли Россия повод для возрождения старых стереотипов? Бесспорно, ее политика в последние полтора года подсказывает многим западным наблюдателям положительный ответ на этот вопрос. И все же это неверный ответ. Прежде всего неточны сами стереотипы. Они были побочным результатом пропаганды прошлого и формировались усилиями политических деятелей (прежде всего английских), заинтересованных выставить в негативном свете главного внешнеполитического соперника.

Но главной ошибкой тех, кто поддерживает этот стереотипный образ России, является представление о ее неизменности. Россия сегодняшняя для них тождественна Советскому Союзу и Российской империи, а государство времен Владимира Путина трудноотлично от Московии Ивана Грозного. А это до предела упрощенное представление о международных отношениях. Государства меняются со временем, переживают модернизации и революции, смену идеологий и экономики. Стереотипы времен наполеоновских войн не соответствовали даже реалиям того времени и уж тем более не могут соответствовать сегодняшним.

Удивительно, однако, что представление о нашей стране, которое пропагандируют западные «русофобы», оказалось выгодно и российской власти. Оно соответствует

постоянным отсылкам ее представителей к традиционным скрепам, на которых будто бы строится российское общество, и означает, что раз Россия не менялась в прошлом, нельзя ожидать, что она изменится когда-либо в будущем. Поэтому всем, кто надеется на перемены, остается оставить эти мечтания и готовиться к традиционному «сдерживанию», конфронтации и массовым волнам эмиграции. И у российской власти есть свой умело эксплуатируемый набор стереотипов об извечно враждебном Западе, стремящемся покорить и унижить нашу страну. Такие зеркальные представления с двух сторон подпитывают друг друга и повышают вероятность опасной конфронтации.

Однако вопреки этим стереотипам Россия развивается, пусть и сталкиваясь с периодами стагнации и движения назад. Поэтому уже сейчас стоит задуматься о том, как уменьшать негативное влияние двух видов стереотипов: российских о Западе и западных о России.

Цели разные, игра одна

У нас нет инструментов, чтобы напрямую повлиять на образ России в США и Европе. История, однако, показывает, что собственные усилия российского и советского руководства по укреплению связей с внешним миром в ходе модернизационных рывков XIX—XX веков приводили к улучшению представлений о нашей стране. Россия воспринималась как дружественная держава, когда приглашала иностранных специалистов для строительства железных дорог и тракторных заводов, когда сама проводила социальные реформы, приближающие ее к европейским стандартам. Страна, ставящая и решающая задачи развития, улучшающая жизнь своего населения, добивающаяся важных прорывов в науке и технологиях, не может не привлекать симпатий.

Интеллектуалам и в России, и на Западе сейчас важно противостоять наступлению черно-белой картины мира, анализировать и показывать, насколько сложные и разные процессы одновременно протекают в разных странах. Вернуться от логики конфронтации к логике сотрудничества можно только тогда, когда мы поймем эту сложность.

Тем же, кто жадно следит за последними высказываниями «русофобов» из Вашингтона, стоит понять, что эта «русофобия» ничем не отличается от риторики российских пропагандистов. Несмотря на, казалось бы, разные цели, они играют в одну и ту же игру, понижая ставки и опасно упрощая нашу картину мира.

*Повод ушел:
как доклад Мюллера повлияет
на отношения России и США*

Результат работы комиссии спецпрокурора Роберта Мюллера подтвердил то, о чем твердили критически настроенные наблюдатели все два года расследования, — отсутствие сговора между президентом США Дональдом Трампом и Россией во время предвыборной гонки 2016 года. Факт воспрепятствования следователям со стороны Трампа не доказан, но и не опровергнут полностью; однако он в гораздо меньшей степени касается российско-американских отношений.

Решение стало серьезным ударом по демократам, особенно кругу Хиллари Клинтон, активно продвигавшему «русскую» версию ее поражения, по репутации ведущих средств массовой информации, вложившихся в раскрутку этого сюжета, и большим облегчением для Дональда Трампа и республиканцев. Уже говорят, что результат расследования Мюллера станет одним из главных аргументов в кампании Трампа за переизбрание в 2020 году, хотя до президентских выборов еще полтора года и многое может изменить повестку дня.

Стоит ли России надеяться на облегчение санкций? На первый взгляд нет: обвинения в сговоре сняты с Трампа, но представление, что российские хакеры стоят за взломом серверов Национального комитета Демократической партии и что «русские тролли» в соцсетях повлияли на волеизъявление американцев, никуда не делось. Просто русские сделали это без договоренности с Трампом.

Никуда не денется и конфликт, начатый аннексией Крыма и помощью со стороны России восточнороссийским сепаратистам. До 2016 года американское общество не обращало большого внимания на новости из этого региона, но затем Россия попала в фокус внимания американских СМИ и российский экспансионизм стал фактором американской политики. Любые шаги навстречу Москве будут и дальше критиковаться как сотрудничество с нарушителем международных норм.

Однако надо понимать, что основной мишенью двухлетней атаки была не Россия, а именно президент Соединенных Штатов. Коль скоро обвинение в сговоре с русскими перестает быть удобной дубинкой против Трампа, интерес к сохранению и усилению санкций тоже может уйти на задний план. Вряд ли их скоро отменят, но можно ожидать, что контакты с россиянами постепенно перестанут считаться «токсичными» и дипломаты, политики, а потом и сам Дональд Трамп вернутся к диалогу с российскими коллегами. В конце концов, мы знаем, что Трамп упрямо выполняет свои предвыборные обещания, а вывод российско-американских отношений из состояния конфликта был одним из них.

Многое зависит и от тех самых ведущих американских газет. Первая реакция изданий, что в наибольшей степени участвовали в раскрутке «Рашагейта», — недоверие к источнику информации, генеральному прокурору США Уильяму Барру, который мог, по мнению колумнистов, не полностью или предвзято изложить результаты расследования. Однако это похоже уже на арьергардные бои. Теперь надо восстанавливать репутацию — нельзя исключить, что в рамках исправления ошибок *New York Times* и *Washington Post* дадут на своих страницах слово политикам и ученым, больше ценящим стабильность в российско-американских отношениях.

Ждать подобной переоценки ситуации от «старых демократов» не стоит, но вот новые лица в этой партии, не успе-

шие принять участие в антироссийской кампании, могут предложить иную политику. Хотя вряд ли речь пойдет о радикальной смене курса, например о предложении отмены санкций.

Хотелось бы, чтобы возможность улучшения российско-американских отношений, которую дает публикация доклада Мюллера, была полностью использована Россией. Нагнетание конфронтации привело и российских законодателей к принятию решений, исходящих из неминуемой эскалации конфликта и дорого стоящих как экономике, так и российскому обществу в целом, например закона о возможности изоляции Рунета или ограничения сотрудничества НКО с иностранцами. Хорошим знаком, демонстрирующим желание России сделать шаг навстречу США, была бы отмена подобных законов.

В списке того, что испортилось в российско-американских отношениях за последние два года, есть и сокращение контактов, от препятствий для совместных научных проектов до закрытия консульств и сокращения дипломатического корпуса. В интересах обеих стран еще до любых формальных договоренностей — восстановление этой инфраструктуры.

*На пороге сделки:
чего ждать от российско-американского
«потепления»*

Новая встреча президентов России и США в отличие от первой попытки в Хельсинки может завершиться реальными договоренностями. И у Владимира Путина, и у Дональда Трампа есть причины для поиска компромисса.

Самое главное в скудных сообщениях о встрече госсекретаря США Майка Помпео с российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым и переговорах с президентом Владимиром Путиным — то, что эта встреча состоялась, причем всего через несколько дней после телефонного разговора президентов двух стран и краткой встречи Лаврова и Помпео в Финляндии. Дело в том, что госсекретарь прилетал в Россию не для решения какой-то конкретной проблемы международных отношений: проблемой номер один стало само отсутствие контакта между двумя странами.

И в самом деле, *New York Times* в отчете о встрече назвала среди тем Иран, Венесуэлу, продление договора СНВ, Северную Корею. Помощник российского президента Юрий Ушаков, комментируя итоги переговоров, говорил о Сирии, Афганистане, Ливии. Помпео — об аннексии Крыма, российской поддержке конфликта на востоке Украины, о вмешательстве России в американские выборы и санкциях. Для полутора часов разговора это слишком длинный список; похоже, стороны просто пробежались по перечню разногласий, чтобы обнаружить хоть что-то, о чем можно договориться.

И без специальных заявлений можно было ожидать, что стороны обсудят возможную встречу двух президентов на

саммите G20 в Осаке, которую уже анонсировал Трамп. И эта встреча в отличие от переговоров в Хельсинки летом 2018-го должна будет увенчаться серьезным результатом.

Что нужно Трампу

Понятно, почему такой дипломатический натиск со стороны США случился именно сейчас. Публикация доклада специального прокурора Мюллера сняла с американского президента обвинения в сговоре с Россией и развязала ему руки. И Трамп немедленно вернулся к своему плану отношений с Россией, который вынужден был отложить на два года под сильнейшим давлением со стороны демократической прессы и оппонентов в конгрессе. Самое интересное — понять, в чем состоит этот план.

Трамп — республиканский президент, во многом ориентирующийся на образцы сильных республиканцев прошлого. Например, на Рональда Рейгана, сумевшего вывести США из кризиса, в который страна провалилась в середине 1970-х годов (после поражения во Вьетнаме, Уотергейта и экономического спада, спровоцированного странами — экспортерами нефти). Одно из ярких его достижений на этом пути — прорыв в отношениях с Советским Союзом. Пусть главную часть пути прошел Михаил Горбачев — для американцев исчезновение главного страха связано с именем Рейгана.

Трамп, как мне представляется, надеется повторить успех своего предшественника: в момент его прихода к власти Россия считалась едва ли не главной угрозой Америке. Если к концу трамповского президентства американцы перестанут воспринимать ее как угрозу, это будет повторением рейгановского триумфа. То, что план Трампа состоит примерно в этом, косвенно подтверждается динамикой его отношений с лидером Северной Кореи. Усиление давления на Пхеньян, личная встреча с Ким Чен Ыном, подписание договоренностей и исчезновение «корейской угрозы» из американского

публичного пространства — все это выглядит как репетиция «большой сделки» Трампа с Путиным.

Зачем «прорыв» Путину

У российского президента, в свою очередь, нет никаких причин продолжать конфронтацию с США. Нелюбимая Путиным администрация демократов давно в отставке, а внутривнутриполитические задачи, которые можно было решать, демонизируя Америку, — увязывание всей оппозиционной активности с происками «главного врага», после успешного переизбрания в 2018 году тоже выглядят неактуальными. Скорее Кремль стремится развести по разным ведомствам антиамериканскую пропаганду и российско-американские отношения. Антиамериканизм по телевидению не должен мешать работе дипломатов, однако, поскольку такого состояния добиться трудно, пропагандистам, вполне возможно, придется сбавить тон.

Мы видим, что потери России от конфронтации с США весьма велики. Санкции, в том числе персональные, бьют по экономике и по уверенности в себе российской элиты. Способность договориться с США после бушевавшего несколько лет кризиса в двусторонних отношениях может стать большим достижением Путина в глазах этой элиты, страдающей от осложнений бизнеса и ограничений привычного образа жизни, так или иначе зависящих от американских санкций. Тем не менее отступать российский президент очень не любит, а значит, будет искать повод для договоренности в одной из тех областей, где на Россию никаких санкций не наложено.

Линии сближения

При всей разнице биографий и личных качеств российского и американского президентов есть одна черта, которая

их сближает, — неверие в идеологию и в нормы международного права. Трамп как бизнесмен, а Путин как бывший сотрудник спецслужб рассматривают мир политического взаимодействия как место столкновения сил, ресурсов и умений, с помощью которых можно добиваться результатов. Нормы лишь связывают свободу воли, а идеологии становятся шорами, мешающими видеть все поле.

Именно поэтому можно ожидать, что президенты дадут дипломатам и военным указание продлить действие договора СНВ, но сами скорее сосредоточатся на совместных проектах в Афганистане, Иране, Северной Корее и, возможно, в Сирии. Украина слишком горяча для Путина, а Венесуэла слишком важна для США, чтобы найти там компромисс. Возможно, разговор пойдет и о разработке договора в области кибербезопасности: «российское вмешательство» в выборы остается частью американской повестки дня, и обещание России не делать ничего подобного (без признания, что русские хакеры или спецслужбы занимались этим ранее) вполне может произвести нужное впечатление на электорат Трампа.

Наконец, было бы очень неплохо договориться о возвращении высланных в 2017–2018 годах дипломатов и открытии закрытых в тот период консульств. От сокращения дипломатического штата страдают прежде всего люди, не имеющие отношения к действиям правительств, и возвращение консульств станет явным знаком нормализации российско-американских отношений.

АМЕРИКА ТРАМПА,
или
Что случилось
с американским обществом

*Цена консерватизма.
Почему расизм становится
главной проблемой в США*

В США уже который день продолжают массовые демонстрации и протесты против полицейского произвола и насилия в отношении афроамериканцев*. Поводом для последних выступлений стали очередные спорные действия представителей американской полиции. Сначала в штате Луизиана стражи порядка открыли огонь по темнокожему американцу при попытке задержания. Два дня спустя в штате Миннесота полицейские остановили автомобиль для досмотра, после чего в результате спора застрелили водителя, который также был афроамериканцем. Через день на одной из демонстраций стрельбу открыли уже по полицейским, в результате погибли пять представителей полиции, ранены около десяти человек, включая обычных протестующих. Сам стрелявший, двадцатипятилетний чернокожий американец, был убит.

Почему американское общество именно сегодня оказалось вновь втянуто в расовые конфликты и можно ли говорить о каком-то новом непреодолимом национальном разломе, возникающем на фоне выборов нового президента?

Начнем с того, что тревожные сигналы о состоянии общества поступают не только от афроамериканской его части — сенсационная популярность Трампа тоже свидетельствует о внутреннем напряжении.

---

* tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3447120.

Соединенные Штаты Америки трудно оценивать европейскими мерками. С одной стороны, там ничего не меняется уже более двухсот лет: Конституция принята в 1789 году, двухпартийная система с нынешними партиями существует с середины позапрошлого века, и кажется, что «конец истории» там был достигнут уже отцами-основателями страны. Истории в стране нет, осталась только политика.

С другой стороны, страна меняется радикально и очень быстро. Нынешнее поколение пенсионеров в своей юности застало бои против сегрегации негров на Юге США, а в зрелости было уверено, что такие европейские новшества, как браки геев, в их стране настанут «не при их жизни». Сегрегации нет уже полвека, браки людей одного пола стали обычным явлением, а когда-то самая курящая страна в мире жестко ограничивает курение в общественных местах.

В отличие от Европы в американском обществе невелика доля скептиков — недостаток (или отсутствие) консерватизма в политике сочетается с отсутствием больших социальных слоев, отказывающихся следовать модным и актуальным идеям, будь то политика или диетические рекомендации. Вопреки расхожему представлению быть консерватором в Америке сложнее, чем в Старом Свете: общественное мнение, средства массовой информации и элиты обеих партий выступают за перемены, которые считаются «правильными».

«Политическая корректность» требует уважения (хотя бы его демонстрации) ко всем, включая тех людей, которых привыкли не уважать.

Однако в стране, конечно же, есть недовольные быстрым темпом перемен, и было только вопросом времени, когда на политическом небосклоне взлетит звезда человека, наплевавшего на условности и заговорившего на том языке, который понятен стихийному консерватору — человеку, не одобряющему перемены, но не находившему выразителя своих сомнений в двухпартийной машине власти.

Этот избиратель хотел чего-то такого, чего не могла допустить либеральная машина республиканцев или демократов, — в США нет аналогичной европейской традиции создавать новую партию для представительства новых интересов. Вместо этого консерваторы совершили захват Великой старой партии — Республиканской, выдвинув кандидатом в президенты США популиста и демагога Трампа, разговаривающего на том самом языке ressentimenta с разочарованными в существующей политической системе США избирателями.

Расизм нового поколения

Одной из главных причин недовольства тех самых «консервативных» избирателей является расовая проблема. Отмена сегрегации на Юге США не привела к межрасовой гармонии: переселившиеся в города Севера афроамериканцы стали источником конфликта теперь уже в этих регионах. Американские полицейские гораздо чаще останавливают на улицах людей с черным цветом кожи и гораздо чаще стреляют в них, заподозрив угрозу. В оправдание полиция приводит данные о преступности по расовому составу, а ее критики в ответ объясняют эти данные тем, что афроамериканцев чаще обыскивают и чаще приводят в суд.

Афроамериканцы, в свою очередь, обвиняют полицейских в расизме; волнения вспыхивают каждый раз, когда полиция превышает полномочия в отношении черного, и это становится известно. В 1992 году полицейские остановили машину Родни Кинга и зверски избили его; избиение заснял из своей машины случайный свидетель, и эти кадры были показаны по телевидению. Из-за этого ролика в Калифорнии начались массовые беспорядки. В стране даже возродилась на время организация «Черные пантеры», которая в конце 1960-х — начале 1980-х занималась фиксацией действий полицейских в целях недопущения насилия

по отношению к черным. Несмотря на то что члены старых «Черных пантер» не признали новую организацию как преемника, ее члены доставили немало неприятностей полицейским, буквально ходя за патрульными по пятам с включенными видеокамерами.

В 1995 году вся страна следила за делом О. Джей Симпсона — чернокожего спортсмена, обвиненного в убийстве его бывшей жены. Вердикт жюри присяжных, оправдавших Симпсона, был воспринят с воодушевлением афроамериканским сообществом и с сожалением — белым. Это разделение, по всем опросам общественного мнения, было настолько четким, что само по себе вызвало ожесточенные дебаты, продемонстрировав глубину межрасового непонимания.

«Черные жизни важны»

Конец 1990-х и нулевые годы были, как сейчас представляется, периодом относительного межрасового мира. Казалось, расовые конфликты приглушены, угроза терроризма объединила американцев, а избрание президентом чернокожего в 2008 году стало символическим венцом многолетней борьбы афроамериканцев за равноправие. Но уже в 2013 году выяснилось, что проблемы в отношении полиции к афроамериканцам не исчезли. В тот год полицейский Джордж Циммерман убил черного подростка Трейвона Мартина и был оправдан.

После этого на улицы многих американских городов вышли тысячи жителей. Лозунг Black lives matter («Черные жизни важны») стал их политическим кличем и названием движения и неформальной организации, действующей по принципу социальной сети.

Смартфоны с функцией записи видео сделали каждого американца (особенно афроамериканца) активистом этого движения: любое действие полицейского теперь и в самом

деле стало записываться свидетелями. Количество смертей черных американцев от рук полиции в целом не выросло, однако выросло количество понятных и доступных всем видеосвидетельств, показывающих, что часто гибли невиновные люди.

В августе 2014 года в пригороде Сент-Луиса Фергюсоне белый полицейский застрелил восемнадцатилетнего афроамериканца Майкла Брауна, что стало причиной массовых беспорядков в этом городе, продолжавшихся несколько дней; в ноябре большое жюри решило не привлекать полицейского к ответственности, что послужило поводом к новым беспорядкам. (В городе установили комендантский час, ввели войска Национальной гвардии США.)

5 и 6 июля 2016 года два черных американца были убиты полицейскими в Луизиане и Миннесоте. Известие об этом (вкуче с видеозаписью, сделанной подругой одного из убитых) вызвало новый взрыв возмущения и серию демонстраций по всей стране. Во время одной из таких демонстраций, в Далласе, штат Техас, по полицейским, сопровождавшим демонстрантов, открыл огонь ветеран войны в Афганистане Мика Джонсон, убив пятерых и ранив еще девятерых. Мотивы его пока выясняются, но похоже на то, что конфронтация между белой и черной частью американского общества вновь приобретает кровавые формы. Более того, проникательные наблюдатели отмечают, что для белой части американского общества полиция заслуживает уважения как часть государства, и легитимность государства, его авторитет распространяются и на полицию. Для афроамериканской же части общества полиция представляет собой прежде всего силу и угрозу, а отсутствие авторитета полиции среди черных американцев означает и сниженное доверие к государству в целом. Другие исследователи отмечают, что дело в том, что американское общество передоверило решение многих общественных проблем полиции; вместо социальных работников, медиков или учителей в «проблем-

ные районы» приходят полицейские и запугивают, вместо того чтобы выслушать и помочь.

Нынешняя избирательная кампания и сопутствующие ей события продолжают вносить поправки в традиционную повестку дня американской политики. Корни феномена Трампа и Сандерса (огромной популярности политиков, бросивших вызов «старой гвардии» двух ведущих партий) в том, что новые расколы в обществе «не замечены» старой политической системой. Эти расколы обнажились после расстрела в гей-клубе, роста полицейского насилия против afroамериканцев — и ответного насилия против полицейских. По всей видимости, новому президенту США надо будет предлагать системное решение этих проблем — и мы станем наблюдателями масштабных реформ, которых американское общество не знало с 1960-х. Но может быть, никакого плана реформ нет и мы в ближайшие годы увидим лишь разрастание конфликта.

Что сломалось в политической системе США?

Прошлым летом, когда Дональд Трамп только появился в новостях как потенциальный кандидат в президенты США, я уверенно объяснял всем, что до выдвижения в президенты Трамп не дойдет. Когда следующей зимой выяснилось, что я ошибся (надо сказать, что не я один — тут я оказался в хорошей компании экспертов по американской политике, в том числе ведущих американских политологов), стало очевидно, что Трамп воплощает какие-то мечты и проблемы большого числа американцев.

Первое впечатление от новости о победе Дональда Трампа на выборах президента США простое: социологи ошиблись, сработал «эффект Брэдли»: пресса, в массе своей резко выступившая против Трампа, создала такое давление на общественное мнение, что это заставило сторонников Трампа скрывать свое отношение к этому кандидату. Даже некоторые советники Трампа не скрывают своего удивления результатом.

Очевидно и то, что президент Хиллари Клинтон представляла бы собой гораздо более понятные и привычные нам Соединенные Штаты. В целом достаточно легко было предположить, какова будет ее внешняя и внутренняя политика. Президент Дональд Трамп представляет собой сплошную загадку. Предвыборные обещания Трампа были во многих случаях скорее риторикой, чем выполнимой политической программой, и потому никто (возможно, и сам Трамп) сейчас не представляет, в чем

будет его реальная программа действий после переезда в Белый дом.

Победа Дональда Трампа ставит несколько групп вопросов.

Первая группа: «Что случилось?» И этот вопрос относится к внутренним проблемам Соединенных Штатов: что означает для американской политической системы победа очевидно несистемного кандидата? Что в американском обществе просмотрела элита? Отчего так поляризовалась политическая арена? Может быть, дело в праймериз, в которых кандидата выбирает небольшая доля радикальных сторонников партии? А может быть, нынешняя прозрачность и постоянный контроль создали ситуацию, в которой «слишком много демократии», в результате чего элиты потеряли возможность принимать решения, оглядываясь не на избирателей, а на долговременные интересы страны? В этом случае в ремонте нуждается вся политическая система страны, от порядка проведения праймериз до выдвижения партийных программ партиями.

Или же дело в том, что политики и аналитики в качестве базовой модели расколов американского общества приняли расовые и гендерные различия и забыли про классовые? И, описывая избирателей Трампа, надо говорить вовсе не о «белых мужчинах», а о пролетариате в его современном виде? Можно ли считать такой результат «революцией» против слишком быстрой социальной модернизации и либерализации или же против форм, которые она приобрела? Например, против той же «политической корректности», которой демонстративно пренебрегал Трамп? Тут вопрос к глубине и адекватности экспертного анализа проблем: очевидно, что экспертиза не справилась. И эти проблемы теперь придется решать американской элите.

Другая группа вопросов относится к тому, чего, собственно, ждать от президента Трампа. В силу его невключенности в политическую элиту (и открытого разрыва с ним

некоторых видных деятелей Республиканской партии) он гораздо меньше своих предшественников будет оглядываться на ее традиции и правила, он меньше ограничен системой сдержек и противовесов. Кроме того, результатом этих выборов стал республиканский конгресс (контроль над обеими палатами получила Республиканская партия), что снимает один из важнейших инструментов сдерживания. Однако эта система сдержек и противовесов гораздо более глубоко встроена в американскую политическую систему, так что Трамп не станет «диктатором» и на нем не закончится американская демократия.

Для нас важно, чего ожидать от Трампа на российском направлении, и тут вопросов точно больше, чем ответов (в случае избрания Хиллари Клинтон эта политика была бы более предсказуемой). Похоже, Трамп не очень понимает, что собой представляет Россия и каковы правила мировой политики. Он скорее будет готов поступать как бизнесмен, то есть заключать сделки — и президент Владимир Путин сможет использовать это для снижения давления на Россию или даже для снятия санкций, сделав их предметом делового торга.

Однако из этого невежества Трампа следует, что он должен будет найти специалистов по многим вопросам, в которых ощущает свою некомпетентность, в том числе по внешней политике и конкретно по России. Вероятно, от их мнения многое будет зависеть: очень важно будет понять, кто станет этим человеком (или группой людей). Как говорят американские эксперты, «ни у кого сейчас нет сценария, что собой будет представлять президентство Трампа». Мировые рынки уже падают — в силу непредсказуемости последствий американского голосования.

Наконец, третий набор вопросов касается значения избрания Трампа в мировом масштабе. Очевидно, этот поворот вписывается в консервативную волну, охватившую мир. Усиление правых партий, брекзит и вот теперь избра-

ние популиста президентом ведущей страны современного мира, безусловно, сигнализируют о важнейших переменах в современной цивилизации. Очень похоже, что существующие описания западных обществ перестали работать, и тут есть поле для работы ученых, изучающих социум.

Есть еще один аспект победы Трампа: Америка с этой победой приобрела некоторые знакомые россиянам черты. Более половины американцев проголосовали за человека, открыто отвергавшего многие достижения либерального общества. Уже слышны голоса американской интеллигенции, разочарованной в своих соотечественниках. Поскольку среди них много моих друзей, хочу их подбодрить: избрание Трампа не трагедия, через четыре года появится возможность избрать другого президента, и это неотвратимо. Не во всех странах у народа есть такая возможность. Не стал бы я преждевременно радоваться и на месте тех соотечественников, кто болел за Трампа: нет никаких гарантий, что темная лошадка окажется более удачным оппонентом для России или что он свернет глобальное присутствие США, как многим бы у нас хотелось. Все может обернуться и прямо противоположным образом.

Американская революция

Предсказуемые победы не нуждаются в объяснениях. У непредсказуемых поражений объяснений очень много. Именно поэтому давайте пойдем чуть дальше в обсуждении политических новостей из США, чем принято в последние дни, и предложим для триумфа Дональда Трампа немного другую оптику.

Почти все мои американские — и многие российские — друзья поражены победой Трампа и ожидают начала эпохи бедствий. Кто-то — в российском сегменте «Фейсбука», не американском, — начал «отфренживать» тех, кто отзывается о Трампе хорошо. В качестве дисклеймера напишу, что я разделяю многие их опасения и не испытываю симпатий к личности избранного президента. Однако отвлечемся от личности.

Расскажу-ка я вам одну историю.

Однажды выборы президента США привели к власти человека, никак не связанного с традиционной политической элитой. Его оппонент происходил из семьи, уже давшей Америке одного президента и считавшей свое право на Белый дом очевидным.

Элита развернула против кандидата довольно грязную кампанию. Он был женат на разведенной женщине (оппоненты уверяли, что кандидат женился на ней еще до ее развода), его жена курила трубку, его собственные манеры не вписывались в принятые в правящей среде — все это стало предметом смакования прессы.

Противники кандидата предрекали конец демократии в США, а сторонники в день объявления результатов выборов собрались в Вашингтоне огромной толпой и буквально разнесли Белый дом (поломали там всю мебель и разбили светильники; действующий президент сбежал через заднюю дверь). После этого ожидания консерваторов от нового избранника приобрели апокалиптические формы. И в самом деле, у нового президента, который изначально конфликтовал с элитой, не сложились отношения с оппозиционным ему конгрессом, и он множество раз налагал вето на принятые законы (использовав это право больше, чем все предшествующие президенты, вместе взятые), за что получил от оппозиции нелестное в республике прозвище Король.

Выборы, о которых я пишу, произошли в 1828 году, а президента звали Эндрю Джексон (его портрет еще можно увидеть на двадцатидолларовой банкноте, пока его не заменили на портрет афроамериканской аболиционистки Гарриет Табмен — решение об этом принято в текущем году).

С исторической высоты мы видим, что Эндрю Джексон вовсе не похоронил демократию в США; напротив, период его президентства получил название «джексоновская демократия». Это было время расширения участия в политических процессах для огромных слоев населения, ранее не имевших влияния на принятие решений в Вашингтоне. Именно за восемь лет его президентства демократия участия победила аристократический концепт республики.

Вполне вероятно, что Трамп сыграет в истории Америки похожую роль. Дело не в нем самом — во всех нелестных отзывах о его поведении и взглядах есть значительная доля правды. Дело в том, что он теперь представляет то самое новое большинство, которое обеспечило его избрание, и будет, по всей видимости, опираться на эту демократию, чтобы уравновесить враждебно настроенную старую элиту.

На результаты выборов в США можно посмотреть и под таким углом зрения: нынешняя элита незаметно для себя окуклилась и почти что превратилась в наследственную; семьи Бушей и Клинтонов — лишь видимая вершина этого айсберга элитной политики. Такое бывало и в прошлом — и приводило к «революциям» и победе на выборах аутсайдера, опиравшегося на поддержку возмущенных и отчужденных от политики масс.

В каком-то смысле американская демократия забыла об избирателях; знающие, «как правильно», правящие элиты проводили радикальные по американским меркам реформы, затрагивающие как символическую идентификацию американцев, так и их экономические интересы. В этом смысле оказалось, что американские правящие круги недалеко ушли от своих российских партнеров, считающих, что реформы важнее демократии и что народу нельзя давать слово — якобы в этом случае к власти придут фашисты.

Именно этим отчуждением элиты обязан своей популярностью на демократических праймериз Берни Сандерс. Неясно, мог ли Сандерс стать символом бунта масс против истеблишмента — тогда тот приобрел бы не правую, а левую идеологическую окраску, — но бунт явно назревал.

Победа Трампа уже встряхнула американское общество, и теперь миру предстоит увидеть, будет ли его президентство обновлением американской демократии. Вполне вероятно, что США станут менее либеральной страной — но при этом более демократической. Очевидно уже, что перемены ждут обе ведущие партии и их систему отношений с избирателями, организацию праймериз, других каналов обратной связи.

Идеологически российской оппозиции может быть близка американская элита, и это мешает увидеть революционный потенциал отказа американских избирателей от навязываемых ценностей и повестки дня.

Наше восприятие Трампа скорректировано его явным антиинтеллектуализмом и неприятием его личности американской интеллигенцией; российский пишущий класс связан и ориентирован на эту часть американского общества, что вполне понятно. Но зашкаливающие эмоции (а они зашкалили не только в Америке, но и почему-то в России) мешают объективному взгляду.

Трамп — вовсе не «американский Путин» и не «американский Жириновский». В российской политике пока нет аналогичного персонажа — наша политическая элита слишком тщательно контролирует сцену, чтобы пустить на нее такого человека. Но Трамп олицетворяет революцию, а не контрреволюцию, и этим он радикально противоположен тем, с кем его сравнивают.

Как это повлияет на внешнюю политику США? Ответить на этот вопрос пока трудно; мировые проблемы не стоят на повестке дня американских избирателей. Но пример «опрокидывания прогнозов» и победы над «элитой», утратившей доверие народа, может оказаться весьма привлекательным. Это не «экспорт революции», в котором обвиняли предшествующие американские администрации, это пример «опрокидывающих выборов» — и гораздо более сильное средство повлиять на умы по всему миру.

*Довоевать Гражданскую.
Почему в США началась война памятников*

В США сносят памятники, связанные с Конфедеративными Штатами Америки, — проигравшей стороне в Гражданской войне, завершившейся в 1865 году, больше полутора веков назад. В битве вокруг символов появились первые жертвы. В минувшую субботу предположительно крайне правый активист въехал на автомобиле в толпу сторонников сноса памятника главнокомандующему армией Северной Виргинии генералу Роберту Эдварду Ли в виргинском городе Шарлотсвилл, убив одну участницу и ранив еще девятнадцать*.

Снос памятников не новость для нас — постсоветское пространство и страны Центральной Европы в последнюю четверть века сносили (и переносили) памятники эпохи социализма с разной степенью рвения и с разным уровнем конфликтов. Совсем недавно мы наблюдали «ленинопад» на Украине. Однако все эти случаи символизировали смену политического режима и его идейных оснований. Коммеморация создает пространство символов, бережно сохраняемое государством и обществом, и смена этой «исторической разметки» пространства говорит обычно о революционных переменах. Помимо Восточной Европы подобную смену символов пережила

---

* meduza.io/feature/2017/08/13/besporjadki-v-sharlotsville-gde-avtomobil-vrezalsya-v-tolpu-demonstrantov-glavnoe.

в конце XX века Испания. Освобождаясь от наследия франкизма, испанское общество постепенно избавилось и от памятников Франсиско Франко. В этом контексте последние новости из США говорят о глубочайшем кризисе — говорят, вероятно, в большей степени, чем все новостные сообщения о деятельности президента Трампа.

Одна страна, две памяти

Соединенные Штаты долгое время служили исследователям исторической памяти примером сосуществования разных систем коммеморации. К югу от линии, разделявшей верные федеральному правительству США штаты и Конфедерацию, почти невозможно найти памятники президенту Аврааму Линкольну, зато там до последнего времени во множестве стояли памятники президенту КША Джефферсону Дэвису и, конечно, генералу Роберту Э. Ли, напрочь отсутствующие на Севере. Неширокая река Потомак отделяет мемориал Линкольна в Вашингтоне от хайвея имени Роберта Ли на виргинском берегу.

Надо понять, что Гражданская война в США завершилась почетной сдачей генерала Ли, и дальнейшие усилия общества и государства были направлены в значительной степени на реинтеграцию Юга в состав США, что подразумевало и сохранение южного нарратива войны, с его представлением об «обреченной, но благородной борьбе». На многочисленных памятниках павшим южанам эта идея выражается в похожей форме: *They fought and died for their convictions, performing their duty as they understood it* («Они сражались и погибли за свои убеждения, выполнив свой долг так, как они его понимали»). На Юге сложился своего рода культ Ли как великого полководца, мудрого политика и человека безупречных моральных качеств. Памятники генералу стоят во множестве городов, а его

именем названы города, школы и проспекты. В Виргинии существует и Университет Вашингтона и Ли, название которого ставит на одну ступень генерала и основателя страны. Историческая память США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компромисс «двух Америк», — и это оставалось важным доводом в пользу того, что свобода слова позволяет обществу обойтись без единого взгляда на историю.

Благородство или рабовладение

Однако во второй половине прошлого века в американском обществе происходило постепенное переосмысление Гражданской войны. На первый план выходила проблема рабства афроамериканцев, и образ Конфедерации как «благородного, но проигранного дела» покрывался все большими пятнами.

Первые признаки того, что сосуществованию двух символических вселенных приходит конец, появились на рубеже XXI века. Сначала под ударом оказался флаг Конфедерации, точнее, боевой флаг армии Северной Виргинии, основа которого использовалась в качестве флага Конфедерации в 1863–1865 годах. В конце XIX века синий андреевский крест со звездами на красном полотнище стал флагом штата Миссисипи, однако для остальной страны он на протяжении почти целого века оставался скорее атрибутом исторических кинофильмов, вроде «Унесенных ветром». Однако в конце 1950-х, когда движение за гражданские права начало свою борьбу против сегрегации афроамериканцев, этот флаг стал активно использоваться противниками десегрегации. По их мнению, Юг в это время, как и столетие назад, боролся за «права штатов», и флаг был символом такого сопротивления. В 1956 году флаг Конфедерации стал частью офици-

ального флага Джорджии, а в 1961-м легислатура Южной Каролины постановила поднять его над куполом капитолия штата.

Новое тысячелетие началось с критики этой практики. Защитники флага апеллировали к традициям и доблести Юга, однако тот факт, что в XX веке его поднимали именно защитники сегрегации, не позволил отделить этот символ от угнетения и рабства, с которыми он ассоциировался. В результате протестов общественности в 2000 году Южная Каролина перенесла флаг с купола капитолия к монументу солдатам Конфедерации, а в 2001 году Джорджия полностью отказалась от использования флага.

На протяжении следующих полутора десятилетий то в одном, то в другом месте США (а также в Великобритании и ЮАР, где появилось движение «Родс должен пасть») вспыхивали инициативы по пересмотру роли исторических деятелей и их коммеморации. Под ударом оказались государственный деятель Юга Джон Кэлхун (недавно Йель переименовал колледж, названный в его честь), президент Вудро Вильсон (который был расистом), а также отцы-основатели Томас Джефферсон и сам Джордж Вашингтон, бывшие рабовладельцами. Избрание президентом страны в 2008 году первого афроамериканца Барака Обамы волевым образом подхлестнуло процесс переосмысления американского прошлого. Либеральные СМИ и демократические политики заговорили о символической важности этого момента как окончательной черты, подведенной под раскол Гражданской войны. Однако последующие события показали, что для многих американцев, напротив, избрание Обамы пробудило и обострило старые противоречия.

Новый натиск на коммеморацию Конфедерации начался в 2015 году. В тот год белый расист расстрелял нескольких черных прихожан в церкви Чарльстона, штат Южная Каролина, а в его профиле в «Фейсбуке» обнаружили фотографию с флагом КША. Это послужило стар-

том кампании за отказ от флага. Он был объявлен символом расизма и рабовладения, флаг удаляли даже из компьютерных игр.

Война памятников

Памятники Роберту Эдварду Ли в тот момент еще не трогали. Но вот в мае нынешнего года дело дошло и до них. Пример показал Новый Орлеан, где (со ссылкой на ту же трагедию 2015 года) демонтировали первый из таких памятников. Решение о сносе проводили в жизнь ночью, под сильной вооруженной охраной и на машинах с закрытыми номерами (в адрес рабочих поступали угрозы).

Логика тех, кто выступает за снос памятников, ясна: Конфедерация существовала, чтобы сохранить рабство чернокожего населения, и коммеморация военных деятелей КША оскорбительна для потомков рабов и для всех, кто считает рабство морально неприемлемым. В Дареме, Северная Каролина, в понедельник толпа снесла памятник солдату Конфедерации. Защитники этого действия высказывали мнение, что «мемориализация солдата означает мемориализацию дела, за которое он боролся».

Логика защитников монументов Юга тоже понятна: «либералы и левые» покушаются на их историческую идентичность, называют героев преступниками и пытаются довоевать Гражданскую. В целом в защиту монументов выступила консервативная часть Америки, южане, — самые традиционные слои общества, среди которых были и откровенные расисты, сторонники «белого превосходства», и более умеренные романтические почитатели южного мифа.

Нынешний кризис был, таким образом, подготовлен долгой историей США и очевидным сдвигом в исторической политике (или, как говорят американские правые, «в политике идентичности»), происходившим с начала века. Непосредственным же поводом для взрыва послужило

решение о сносе памятника генералу Роберту Э. Ли в городском парке Шарлотсвилла.

Битва за Америку

И тут надо понять еще один контекст. Победа Дональда Трампа на президентских выборах дала надежду тем самым жителям американской глубинки, что тренд на вымывание их идентичности будет развернут вспять. Под этим углом зрения приход Трампа стал реваншем за президентство Обамы. Долгое время считавшие себя притесняемыми, находившиеся в глубокой обороне антилиберальные группы американцев решили, что времена наконец изменились. Для многих из них именно Конфедерация является важным символом сопротивления либеральному федеральному центру — не все они именно расисты, но таких там немало. По той же причине либералы, провозгласившие приход Трампа «наступлением фашизма», тоже вышли на улицы. Для многих — с обеих сторон — происходящая битва за символы стала некоей решающей битвой за Америку.

После известия о планах сноса памятника крайне правый блогер Кейслер объявил о шествии «за белых» в Шарлоттсвилле (некоторые другие правые тоже призвали к шествию в защиту памятника Ли, но не в столь резко расистской форме). В город поехали расисты, ностальгирующие по Конфедерации, просто правые, альт-райты и прочие активисты антилиберальных сил. В ответ на это мобилизовались либеральные и левые активисты — именно они в субботу решили провести собственный марш против «нацистов» и «фашизации Америки». В условиях, когда город был переполнен крайне правыми, это не могло не вызвать стычек. Пытаясь успеть предотвратить столкновения в разных концах города, рухнул на землю полицейский вертолет (погибли два полицейских), а в демонстрацию левых на полной скорости въехал молодой ультраправый активист.

Можно ожидать, что этот случай послужит поводом для нового витка демонтажа памятников (и новых протестов разной степени жестокости), — новости из Дарема показывают, что движение уже началось снизу.

Сегодня на глазах миллионов американцев меняется символическое пространство страны. Президент Трамп находится в очень сложной политической ситуации, не позволяющей ему легко погасить конфликт (он уже удостоился громкой критики за примиряющее заявление в день трагедии). Если в завтрашних Соединенных Штатах не останется памятников генералу Ли, это будет во многом другая страна, а события, которые привели к таким изменениям, можно будет сравнивать с революцией. Сразу после победы Трампа один из своих комментариев я озаглавил «Американская революция»*. Я не думал, что эта метафора будет так близка к действительности.

Парадоксально, но приход такой революции ускорила победа Трампа на президентских выборах. Именно она мобилизовала как левых активистов, которые пошли на обострение «исторической политики», так и сторонников лозунга «возвращения американского величия». Этот лозунг обращен в прошлое, а памятники и есть якоря, удерживающие прошлое.

Американский опыт вновь позволяет нам увидеть себя в чуть искаженном зеркале. Россия сегодня полна памятников героям разных сторон российской Гражданской войны. На улицах и площадях российских городов стоят тысячи памятников Ленину — но уже и множество памятников царям, включая Николая II; военачальникам Красной армии — но и, например, адмиралу Колчаку. Новости из США показывают, что ситуация с расколотой после Гражданской войны памятью может продержаться очень долго, но не может быть вечной.

** См. в этом сборнике. С. 106.

Памятники раздора: смогут ли США выйти из исторического кризиса

Ориентированное на будущее американское общество оказалось не готово к спорам о прошлом. И Трамп, успешно отбивавшийся от обвинений в связях с Россией, после событий в Шарлоттсвилле столкнулся с более крупномасштабной проблемой.

Российские медиа и блогосфера взорвались обсуждением сноса в США памятников сторонникам Конфедеративных Штатов Америки так, будто это произошло под окном каждого россиянина. В последние дни у меня иногда складывалось впечатление, что недавние новости о памятниках Сталину в России или советским солдатам в Польше обсуждались с гораздо меньшим размахом эмоциональных суждений и моральных оценок.

Здесь смешалось все: и неослабное российское внимание к Америке — «конституирующему Другому» России, с которым сверяют все происходящее в нашей стране; и воспоминания старшего поколения о просмотре или чтении «Унесенных ветром»; и очевидные параллели с проблемами установки и сноса памятников деятелям отечественной истории, благо тут выбор большой: генерала Роберта Э. Ли сравнивали и со Сталиным, и с Лениным, и с адмиралом Колчаком, и с фельдмаршалом Маннергеймом. Это интересный опыт, позволяющий взглянуть со стороны и на собственные дебаты. Однако надо понимать, что столкновения вокруг памятников в США вызваны особой ситуацией, в которой оказалась Америка, и эта ситуация не слишком напоминает российскую.

Либералы наступают

События в Шарлоттсвилле в середине августа и последовавшая серия атак на памятники — например, мэр Сизтла призвал демонтировать не только мемориалы Конфедерации, но и монумент Владимира Ленина, а в Дарэме (Северная Каролина) толпа самочинно снесла памятник солдату Конфедеративных Штатов Америки — лежат в логике наступления современной либеральной Америки на память о КША, начатого еще несколько лет назад. В 2012 году было ограничено использование флага Конфедерации как символа расизма и сегрегации, а демонтаж памятников начался в 2015 году после стрельбы в Чарлстоне. Однако в последние месяцы самореклама откровенных расистов, нацистов, а потом террористический акт, совершенный одним из правых активистов против левых демонстрантов в Шарлоттсвилле, резко обострили ход событий и вывели проблему на первый план повестки дня.

Надо сразу сказать, что это не обычные новости из США. Как правило, американцам приходится объяснять суть неутрачиваемых споров о памятниках на просторах России и бывшего соцлагеря. И до недавних пор казалось, что американцы если не примирились со своим прошлым, то не прочь забыть о нем, положив в основу национальной идентичности будущее в виде идеалов. Однако теперь стало понятно, что настоящее Америки соткано из такого же противоречивого прошлого, как и у нас.

Поляризация общества

Вернемся немного назад. Избрание в 2008 году президентом США Барака Обамы было воспринято заметной частью американцев как резкое изменение традиционного баланса. Дело было не только в том, что Обама стал первым чернокожим президентом (хотя этому уделялось, конечно, первостепенное внимание), но и в том, что Обама относился к наибо-

лее либеральному крылу Демократической партии. То, что праздновалось как исторический прорыв либеральной частью общества, с точки зрения американцев, придерживавшихся консервативных взглядов, стало угрозой той Америке, которую они знали. Сегодня стало общим местом писать, что избрание Дональда Трампа стало ответом традиционной Америки на эту угрозу, но оно, в свою очередь, было воспринято как опасность теми, кто поддерживал Обаму. Амплитуда колебаний политических программ, которые олицетворяли президенты, их личных образов и представлений о «великой Америке» вышла из традиционного интервала, близкого к центру. Прошли времена Билла Клинтона, про которого писали, что он «занял своей политикой всю ширину дороги» так, что его невозможно было критиковать ни слева, ни справа.

На избрание Трампа либеральная и левая Америка отреагировала выходом на улицы и активизацией программ, начатых в предыдущие годы, важное место среди которых занимал пересмотр истории с точки зрения набравших силу социальных групп. Фокусом атаки стала коммеморация деятелей Конфедерации: сегодня считается очевидным, что все памятники им были поставлены для закрепления расовой сегрегации, прославления рабовладения и унижения афроамериканцев. Правые же восприняли это как проекцию ненавистной им «политической корректности» в прошлое и заявили о готовности встать на его защиту.

Сегодня в США практически не услышать призывов к сохранению символов противоречивой истории, к сосуществованию взаимоисключающих нарративов разных групп общества (это тот путь, по которому пока что движется российское общество) — речь идет о полной победе одного из нарративов. Отсюда было недалеко до уличных столкновений, и они последовали.

Стан правых состоит из большого количества разных групп, но при президенте Трампе претензии на свое полноценное участие в политике заявили крайне правые, марги-

нализированные на протяжении нескольких десятилетий расисты и нацисты. Именно из их среды последовал террористический акт, и именно неспособность изолировать эти группы и исключить их из и без того накаленных дебатов ставят в вину Трампу даже его соратники.

Трамп перед дилеммой

Дональду Трампу в самом деле нелегко оттолкнуть от себя крайне правых. Дело не только в том, что его популистская кампания опиралась в заметной части на таких исключенных из политического процесса маргиналов. Его лозунг «вернем Америке величие», который Трамп, очевидно, считает сутью своей программы, направлен именно в прошлое. Величие, которое надо «вернуть», — это величие той Америки, где не было политкорректности, расизм был нормой, а баланс политической жизни выстраивался не между белой и небелой общинами, а между наследниками Севера и Юга американской Гражданской войны.

Парадоксальным образом российское общество, в котором споры об истории составляют, кажется, самую ткань общественной жизни, отторгает серьезную общественную конфронтацию по историческим поводам. Американское же общество, ориентированное на идеалы, оказалось не готово к спорам о своем прошлом.

Кажется, американский президент, довольно успешно отбивавшийся от обвинений в связях с Россией, на этот раз столкнулся с действительно крупномасштабным кризисом, на который не нашел пока ответа. Увольнение в прошлую пятницу ближайшего советника, правого идеолога Стивена Бэннона можно считать попыткой скорректировать курс и взять ситуацию под контроль. Однако получится ли это у Дональда Трампа, пока не ясно. Снос памятников обычно происходит по итогам революционной смены власти. В США же он кажется ее предвестием.

Перспективы понятны. Если президент Трамп будет упорствовать в защите крайне правых, то продолжит терять союзников в политическом истеблишменте и может столкнуться с импичментом. Если же он уступит требованиям критиков из либерального лагеря, то потеряет поддержку своих сторонников — свой единственный серьезный политический ресурс. Если его решения не прекратят эскалацию уличного насилия, от него уйдут последние союзники. Для того чтобы победить в этом кризисе, Трамп должен найти слова и предпринять политические шаги, которые снизят уровень уличного противостояния, при этом сохранив за собой социальную базу, приведшую его в Белый дом. Сложнее всего понять, что это должны быть за слова и шаги. Ближайшие дни могут сделать из Трампа великого президента или превратить его в исторического неудачника.

ПАМЯТИ СОВЕТОЛГОВ

Збигнев Бжезинский

Есть несколько имен американцев, — не так много, надо признать, за пределами Голливуда и поп-культуры, — которые знакомы любому россиянину. Имя Збигнева Бжезинского было известно каждому советскому человеку с детства, с тех самых 1970-х, когда советское телевидение ежедневно рассказывало нам о враге политики разрядки, о «яром русофобе» и антисоветчике, виновном в том, что США снова перестали понимать Советский Союз. В сознании россиян Бжезинский так и остался олицетворением той Америки, которая не понимает и не хочет понимать Россию и чьей задачей остается сдерживание и подрыв российского влияния. Часто можно было услышать в этой связи и упоминание о польском происхождении Бжезинского — в сочетании с представлениями о вековых польских обидах на Россию это звучало если не оправданием, то объяснением.

То, что в эти дни российские СМИ полны статей и некрологов о Збигневе Бжезинском, — последнее доказательство того, что ему довелось стать символом российских представлений об американской политике по отношению к нашей стране: человек, который уже много десятилетий не занимал государственных постов, оставался в глазах российской общественности главным выразителем мнения американского государства, символом «постоянной враждебности» США по отношению к России.

Как часто бывает, человек был сложнее, чем та единственная роль, с которой он вошел в российскую культуру.

Збигнев Казимеж Бжезинский родился в Варшаве 28 марта 1928 года в семье дипломата. В 1938 году Тадеуш Бжезинский получил назначение в Канаду, где и остался после начала Второй мировой войны. После ее окончания семья Бжезинских не захотела возвращаться в Польшу, освобожденную и оккупированную Красной армией.

Збигнев окончил Университет Макгилла в Монреале и поступил на программу PhD по политологии в Гарвард. Темой его магистерской диссертации были национальные отношения в Советском Союзе, а докторская была посвящена переходу от Октябрьской революции и ленинского этапа Советской России к государству Сталина. После защиты диссертации в 1953 году Бжезинский некоторое время преподавал в своей альма-матер, но постоянное профессорское место получил Генри Киссинджер, а Бжезинскому досталась позиция в Колумбийском университете в Нью-Йорке (гражданство США он приобрел только в 1958 году). В Колумбийском университете Бжезинский преподавал, в частности, Мадлен Олбрайт, которой позднее помогал делать первые шаги в Вашингтоне. Позднее он сам признавал, что работа в Нью-Йорке привлекала его большими возможностями для политического активизма, который мог бы дополнять его научные изыскания.

В своих первых работах Бжезинский опирался на концепцию тоталитаризма, главным примером которого он считал Советский Союз. Позднее он настаивал на нерушимости советского блока. Тем не менее жизнь заставила Бжезинского отказаться от первой концепции и приложить руки к расколу между СССР и Китаем, на практике доказав ошибочность второй. Эти перемены стали первым доказательством умения Бжезинского переосмысливать свои подходы и отказываться от них при изменении ситуации.

После работы в избирательных кампаниях Кеннеди и Джонсона Бжезинский получил в 1966 году назначение в вашингтонский совет по политическому планированию.

Поддержав на первых порах политику разрядки, он вскоре стал ее ярким критиком. Бжезинский зарекомендовал себя как жесткий противник сближения с СССР и каких бы то ни было компромиссов США с нашей страной — его внешнеполитическая мысль была определена опасением советского доминирования в мире. Этим он противопоставил свое мнение политике президента Никсона и его влиятельного советника — и своего старого соперника — Генри Киссинджера.

В 1973 году миллиардер Дэвид Рокфеллер создал «Трехстороннюю комиссию» — форум для политических лидеров Северной Америки, Западной Европы и Японии. Збигнев Бжезинский стал ее первым директором, а уже в следующем году пригласил участвовать в ее работе губернатора Джорджии Джимми Картера. Когда Картер в 1977 году стал президентом США, он назначил Збигнева Бжезинского своим советником по национальной безопасности (пост, на котором он сменил Генри Киссинджера).

Четыре года в администрации Картера стали вершиной политической карьеры Бжезинского. Они же характеризовались резким похолоданием в международных отношениях. Именно на это время пришлось свертыwanie политики разрядки в отношениях США с Советским Союзом, Иранская революция и захват в заложники персонала американского посольства в Тегеране, ввод советских войск в Афганистан и начало американской помощи моджахедам. Бжезинский оставил свой след в том, как именно развертывались эти события.

Бжезинский приложил усилия к замораживанию процесса разрядки, а также отказался от политики балансирования между СССР и Китаем, настояв вместо этого на использовании Китая как инструмента против Советского Союза (по словам советского посла в США Анатолия Добрынина, Бжезинский сравнивал такое использование с «использованием Кубы» СССР). После того как Советский Союз ввел

войска в Афганистан, Бжезинский стал ключевым сторонником идеи военной помощи афганским моджахедам. Цитируют, что он в те недели говорил президенту Картеру, что надо помочь Советскому Союзу получить свой собственный Вьетнам.

К этому времени репутация Бжезинского как не только антисоветчика, но и «русофоба» уже окончательно сформировалась. Советский посол в США Анатолий Добрынин вспоминал, как в последние дни перед выборами президента (которые Джимми Картер проиграл Рональду Рейгану) Бжезинский пытался уверить его, что в СССР к нему относятся несправедливо. «История действительно внесла немало сложностей в отношения между поляками и русскими, — признал советник Картера, — от этого трагического прошлого полностью не удалось еще избавиться. Возможно, подсознательно оно осталось и у него. Однако сознательно он убежден в другом»*

Уйдя в отставку, Бжезинский продолжил преподавать и писать книги. Наиболее популярной (во всяком случае, в России) стала книга «Великая шахматная доска» — упражнение Бжезинского в геополитике. В России ее быстро перевели (как переводили и последующие книги Бжезинского), и многими россиянами она стала восприниматься как квинтэссенция американского видения мира — в тот момент, когда в Вашингтоне правили бал уже совсем другие политики и другие подходы.

Бжезинский очень резко — негативно резко — отзывался о трех президентах, пришедших после Рейгана, двух Бушах и Билле Клинтоне, считая, что те упустили шанс, полученный Америкой у истории после распада Советского Союза. (Надо отметить, что некролог близкой к группе Клинтонов

---

* *Добрынин А.* Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США, 1962–1986. М.: Центрполиграф, 2016. С. 480.

New York Times звучит очень критично по отношению к покойному*.)

Распад СССР и последующее развитие международных отношений, очевидно, уменьшили страх Бжезинского перед доминированием России. Напротив, чем дальше, тем больше он писал и говорил про свою уверенность в демократическом будущем нашей страны. В декабре 2012 года Бжезинский сформулировал эти идеи в своем выступлении — мне довелось там присутствовать. Шел я с ожиданием услышать резкую критику современной России: в то время в Вашингтоне в очередной раз набирала популярность идея о неизменной авторитарности нашей страны, о том, что Путин лишь очередная форма этого вечного содержания, и Бжезинский (казалось мне) должен был стать главным проповедником такой идеи.

Получилось все наоборот. «Мой прогноз на длительный исторический период — оптимистический, потому что я уверен, что Россия меняется. Может быть, даже не вопреки Путину, а благодаря Путину. И после того, как Путин уйдет со сцены, процесс перемен значительно ускорится, — сказал тогда ветеран американской политики. — Демократизация — одно из главных условий процветания России. И я думаю, это случится уже после Путина. Можете считать это историческим оптимизмом, но я уверен, что сближение России с Западом неизбежно, и в результате этого сближения Россия получит огромную пользу»**.

Образ Бжезинского в России, конечно же, был демонизирован. Он в самом деле был антисоветчиком, а возможно (хотя сам он это отрицал), и русофобом. Однако период его реальных полномочий в определении американской поли-

---

* www.nytimes.com/2017/05/26/us/zbigniew-brzezinski-dead-national-security-adviser-to-carter.html.

** Голос Америки. 2012. 7 декабря // www.golos-ameriki.ru/a/zbigniew-brzezinski-russia-us-putin/1560153.html.

тики был ограничен коротким временем, а его взгляды значительно менялись.

С его уходом возникает впечатление, что в Вашингтоне закончилась эпоха политиков, имевших стратегическое видение отношений США с Россией. Современные коллеги Бжезинского пишут и говорят о тактических проблемах, а горизонт планирования двусторонних отношений выглядит весьма близким. Возможно, нам всем будет парадоксальным образом его не хватать.

Ричард Пайнс и особый путь России

Ричард Эдгар Пайнс родился в 1923 году в Польше. В октябре 1939 года его семья бежала из оккупированной немцами страны и через Италию приехала в США. В 1943 году поступил на службу в американскую авиацию, получил американское гражданство. Прошел подготовку переводчика с русского для работы на американской авиабазе в Полтаве. Собственно, эта подготовка в Корнелле и стала толчком, приведшим Пайнса к изучению России. Ричард получил образование в Маскингем колледже (Огайо), Корнелле и Гарварде (где его учителем был русский историк-эмигрант Михаил Карпович).

Вскоре после войны он заинтересовался современной внешней политикой и попытался найти работу в исследовательском отделе Государственного департамента. К 1948 году он определил свою тему — изучение национализма в Советской России. Опубликованная в 1954 году монография «Формирование Советского Союза, 1917–1923» подробно разбирала судьбу нерусских народов перед лицом усиливавшейся советской власти. Пайнс проанализировал историю украинской Рады, грузинских меньшевиков и национальных движений в других регионах страны, конфликт националистов с большевиками. Пайнс обвинил Ленина в использовании национализма меньшинств в инструментальных целях, как что-то, что «можно эксплуатировать, а не решать». Своей структурой, централизованной системой, скрытой за фасадом национальных автоно-

мий, СССР обязан этой национальной политике. Книга получила восхищенные отзывы читателей и хорошо продавалась — редкость для научных монографий.

Пайпс провел множество интервью с нерусскими эмигрантами и беженцами из Советского Союза. Эти обсуждения убедили Пайпса, что «национальный вопрос» в 1950-е стоит даже острее, чем в годы формирования СССР. Он назвал его «взрывчаткой», заложенной под страной, где большая часть населения окраин «ненавидит режим» и мечтает «об отделении ото всего русского». Этот вывод был, очевидно, основан на мнениях эмигрантов.

Вскоре Пайпс переместился в Массачусетский технологический институт, чтобы изучать современный национализм в Центре международных исследований (в то время полностью финансировавшемся ЦРУ). Его исследование национализма нерусских народов СССР стало частью «проекта по изучению уязвимости Советского Союза» (Soviet Vulnerability Project). Пайпс преподавал в Гарварде с 1958 по 1996 год и был директором Русского исследовательского центра Гарварда с 1968 по 1973 год.

Пайпс как будто специально дистанцировался от популярных среди его коллег идей. В тот период, когда интеллектуальный тон Гарварда (и Русского исследовательского центра) задавал Толкотт Парсонс, Пайпс подверг критике Макса Вебера, которого Парсонс особенно уважал. За эссе Вебера о России начала двадцатого века, писал Пайпс, стоял отказ социолога понимать, что Россия представляла собой «отклонение от общего европейского паттерна». Собственно, в этом высказывании уже определилась главная идея Пайпса — противопоставление России Европе.

В своих последующих работах Пайпс исследовал один за другим различные аспекты «отклонения» России от Европы. Сначала он взялся за консервативную мысль, как средство подчеркнуть особость России. Пайпс перевел на английский классическую записку Николая Карамзина «О древней

и новой России», в которой тот доказывал, что России нужен абсолютный правитель, чтобы предотвратить анархию. По словам Пайпса, Карамзин предложил России трудный выбор между монархией и демократией, но «предпочел чрезмерную власть» хаосу. Консерватизм, подчеркивал Пайпс, — аутентичная русская политика, тогда как либерализм и радикализм заимствованы на Западе. После публикации этой книги, к его собственному удивлению, Пайпсу предложили постоянное место в Гарварде.

В этот период Пайпс начал работу над биографией Петра Струве и заинтересовался русской интеллигенцией. В 1960-м он издал сборник статей на эту тему; однако книга получилась не только об этом, но и о развитии советской культуры после смерти Сталина. Авторы исторических статей в этом сборнике (включая самого Пайпса) старались извлечь уроки для советской современности. В предисловии профессор отмечал: понимание того, как русские интеллектуалы общались с «технической и административной бюрократией» в XIX веке, представляет собой интересную и широкую проблему, потому что она возникает «в каждой современной или модернизирующейся стране». В отличие от социологов, которые видели в количественном росте образованного населения силу, способствующую «технической рационализации», Пайпс видел суть этой группы в «критическом духе, для которого „рационализм“ был лишь одной из форм выражения».

В других работах, ставших результатом его изучения биографии Струве, Пайпс обращался не к современным социологам, а к историкам, работавшим в Советском Союзе. Пайпс предварил свою небольшую книгу о социал-демократии в Санкт-Петербурге 1890-х годов утверждением о необходимости уменьшить Ленина «до человеческих пропорций».

Используя множество автобиографий, Пайпс описал широкую и глубокую пропасть, разделявшую новорожден-

ное рабочее движение и радикальных интеллигентов. «Прирожденный консерватизм рабочих», по его мнению, приводил к тому, что они смотрели на идеи радикалов с глубоким скептицизмом. Пайпс заключил, что советская версия истории, в которой Ленин и социал-демократы ведут рабочих на забастовки, чтобы выковать у них классовое самосознание, неверна в каждой детали, и предложил любопытный контрфактический вывод: «если бы не 1917 год, то есть все причины считать, что русское рабочее движение стало бы такой же эффективной социальной и политической силой, как его аналоги в других промышленных странах мира».

В начале 1960-х Пайпс несколько раз приезжал в СССР, что только укрепляло его в этих взглядах. В 1962 году он читал лекции в Ленинградском университете, а по возвращении в США написал статью (которую так и не опубликовал), содержащую его рефлексии по поводу этой поездки. Рукопись носит на себе следы эмоций, редко наблюдавшихся в мягком Пайпсе. Чтение советских источников, писал он (затем зачеркивая этот пассаж), «возбуждает неглубокий, но постоянно горящий гнев». Пайпс заключил, что специалист по России «эмоционально связывает себя» с предметом изучения, потому что он вынужден занять философскую и моральную позицию по отношению к этому эксперименту. Изучение других стран не требует такого выраженного эмоционального привязывания и не провоцирует такой гнев. События 1968 года очевидно интенсифицировали этот «тихо горящий гнев» Пайпса. Накануне того, как советские танки подавили эксперимент Пражской весны, Пайпс сказал одному журналисту, что самая большая сложность, с которой он сталкивается, это «сохранять свой гнев по поводу современных русских под контролем». Явно опираясь на опыт своего детства, он сравнил 1968 год с 1938-м, когда страны Запада не остановили уничтожение нацистами Чехословакии. В тот момент он писал своему

другу, французскому экс-коммунисту: администрация президента Линдона Джонсона «полностью изолирована от общества, особенно от ее думающего элемента», и ведет страну по пути «внутреннего и международного упадка».

Пайпс весьма критично относился к студенческим активистам. В апреле 1969 года небольшая группа студентов заняла гарвардский студенческий холл, протестуя против многообразного «соучастия» Гарварда во вьетнамской войне. Пайпс объяснил действия студентов «разрушением семьи и общины в Америке», создавшим нарциссическое поколение студентов, ищущих «аффектации, внимания и морального примера». Позднее Пайпс писал, что настоящая проблема была не в студентах, которые действовали сообразно своему возрасту, а в преподавателях, которые отнеслись к их жалобам как к законным.

В послесловии к своему учебнику 1971 года Пайпс обвинил поколение своих студентов в забвении истории в поиске современной релевантности, в «детском взгляде на мир». Отказ учиться у прошлого, продолжал Пайпс, ведет членов общества к статусу «почти животных». Хотя нет ничего нового для западной цивилизации в революциях, то, что случилось в 1960-е, отличается «несдерживаемым негативизмом» и опасным стремлением «вернуть в жизнь постоянную безответственность и самооправдание детского садика». Наверное, из-за такого отношения к студентам учебник продавался плохо (да и среди студентов Пайпса многие платили ему ответной нелюбовью).

В 1970-е Пайпс стал одним из советников сенатора Генри Джексона (одного из авторов знаменитой поправки Джексона-Вэника). В это же время он превратился в одного из ведущих критиков политики разрядки, которую он описывал как «вдохновенную интеллектуальной ленью и основанную на невежестве одного из антагонистов». В 1976 году он входил в так называемую команду Б, собранную из гражданских экспертов и отставных военных тогдашним

директором ЦРУ Джорджем Бушем для оценки угроз от СССР в противовес Команде А, состоявшей из аналитиков ЦРУ. С 1977 года Пайпс был членом «Комитета по существующей угрозе».

В 1981 и 1982 годах Пайпс был членом Совета национальной безопасности США, занимая пост директора по восточноевропейским и советским делам при президенте Рональде Рейгане. Именно он написал ключевые разделы «Вестминстерской речи» Рейгана (в которой тот назвал СССР «империей зла», хотя в авторстве именно этого словосочетания есть сомнения).

Политическая эволюция Пайпса показательна: в 1948 году он голосовал за Генри Уоллеса и продолжал голосовать за демократов вплоть до 1972 года. Затем перешел в лагерь «правых демократов» (к сенатору Джексону), а затем и в Республиканскую партию. Эту эволюцию он проделал параллельно со многими неоконсерваторами. В 1984 году, уже уйдя из правительства, Пайпс публикует книгу «Выживания недостаточно», в которой обрушивается на контроль над вооружениями, разрядку, академическую советологию и тех, кто считает, что США могут чем-либо, кроме оружия, удержать «сталинистский» СССР от его главной цели — захвата мира.

Пайпс оставался таким же скептиком и во время перестройки. В статье «Опасность „разрядки II“» Пайпс настаивал: «Цели Горбачева — те же, что у Ленина: глобальная гегемония КПСС». Через год он опубликовал доклад под заголовком «Бумажная перестройка». «Гласность», по мнению Пайпса, была задумана Горбачевым, чтобы ввести в заблуждение Запад, а перестройка нужна была ему для сохранения власти. Если же эти реформы приведут к успеху, тогда СССР станет еще более опасным.

В 1987 году Ричард Пайпс дебатировал в Принстоне со Стивеном Коэном по поводу оценок СССР и Горбачева. Пайпс призывал американцев оставаться спокойными и не

очаровываться реформами. Он снова сомневался в возможности реальных перемен в СССР, тогда как Коэн настаивал, что Советский Союз уже изменился. Пайпс хвалил жесткую линию по отношению к СССР, а Коэн заявлял, что она может привести реформы к краху.

Еще в 1990-е Пайпс продолжал много писать. Своего рода продолжением книги «Россия при старом режиме», опубликованной в 1974 году, стала книга «Россия при большевистском режиме», изданная в 1994-м. Ричард Пайпс был членом Американского комитета за мир в Чечне. В сентябре 2010 года он приезжал в Россию для участия в дискуссионном клубе «Валдай», бывал в России и в 2012, и в 2013, и даже в 2014 году.

Пайпс до самого последнего времени оставался одним из самых влиятельных специалистов по России в США — и не столько потому, что к его советам прислушивались, сколько в силу того, что среди следующего поколения русистов много его учеников.

Его подход к России выглядел безнадежно устаревшим в 1990-е, когда казалось, что страна на всех парах идет к интеграции с Европой и Америкой. Однако спустя 20 лет, когда Россия заложила крутой вираж и подняла на знамена конфронтацию с Западом, рамка рассуждений, заданная Пайпсом, вновь оказалась востребованной.

Библиографическая справка

АМЕРИКА И МИР ВОКРУГ НЕЕ: СЕМЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С РОССИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ

«Каждый русский — казак, а каждый казак — людоед». Как в США спорили о России в 1813 году // Republic. 6 августа 2019 года.

Эффект «Весны народов». Как США стали примером для Европы, а Россия — нет // Republic. 20 августа 2019 года.

Преодоление Гражданской. Как США самоутверждались, помогая голодающей России // Republic. 3 сентября 2019 года.

Попытка лидерства. Как Вильсон придумал Лигу Наций, но США опять закрылись от мира // Republic. 17 сентября 2019 года

Война между победителями. КГБ в балете и ЦРУ в абстрактной живописи // Republic. 1 октября 2019 года.

Приходит Брежнев к Никсону. Как СССР и США почти подружились // Republic. 15 октября 2019 года.

Жизнь без Другого. Почему в США сильна ностальгия по 1980-м? // Republic. 29 октября 2019 года.

РОССИЯ И США, ИЛИ НАСТОЯЩИЙ КОНФЛИКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ЗАВЕРШЕНИЯ

Почему Россия ругает Америку, но хочет ею стать // РБК. 18 августа 2014 года.

Надо ли вводить санкции против Хемингуэя и Толстого? // РБК. 7 октября 2014 года.

Умиротворение Леванта. Война в Сирии как большая манипуляция // Slon.ru. 6 октября 2015 года.

Как новая холодная война выходит из-под контроля // РБК. 4 сентября 2017 года.

Смысл и корни российского антиамериканизма // Ведомости. 15 июля 2018 года.

Мифы о России: как Запад перестал понимать нас и чем это грозит // РБК. 23 июня 2015 года.

Повод ушел: как доклад Мюллера повлияет на отношения России и США // РБК. 25 марта 2019 года.

На пороге сделки: чего ждать от российско-американского «потепления» // РБК. 16 мая 2019 года.

АМЕРИКА ТРАМПА, ИЛИ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Цена консерватизма. Почему расизм становится главной проблемой в США // Slon.ru. 13 июля 2016 года.

Что сломалось в политической системе США? // Slon.ru. 9 ноября 2016 года.

Американская революция // Inliberty.ru. 11 ноября 2016 года.

Довоевать Гражданскую. Почему в США началась война памятников // Republic.ru. 16 августа 2017 года.

Памятники раздора: смогут ли США выйти из исторического кризиса // РБК. 21 августа 2017 года.

ПАМЯТИ СОВЕТОЛОГОВ

Збигнев Бжезинский // Gefter.ru. 29 мая 2017 года.

Ричард Пайпс и особый путь России // Republic.ru. 18 мая 2018 года.

Иван Курилла

ПОНИМАЯ АМЕРИКУ

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 20.05.2020

Формат издания 60x84/16

Печ. л. 8,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 1273

107031 Москва,

ул. Петровка, д. 17, стр. 1

<http://www.civiceducation.ru>

